

СКАЗКА О СКАЗКЕ

СКАЗКА О СКАЗКЕ

АЛЕКСЕЙ ЭРР

Алексей Эрр
Сказка о сказке

Часть первая

I

- Ну что, видишь?
- Не-а. Ни-вижу. Ти-мноо.
- А меня видишь?
- Тиибя? Даа, виижу.
- И я тебя. Вот. Значит, не темно!

Второе Облачко не сразу ответило, оно вообще неторопливое было, слова растягивало и всегда о чём-то думало неспешно.

«Странно, да. Небо тёмное, не видать ничего. Только далёкие звёздочки – где-то там, будто светлый песок по небу рассыпали, а Темнота густая вокруг. Только первое Облачко – вот оно, рядом шевелится, подбирает ватные края...»

– А ещё, смотри! Смотри. Вон там! Яркий! – чуть не закричало Первое.

- Ну чего-о смотри? Где-е там?
- Смотри! Вот, у края. Лучик бьётся.
- Ну чего-о ты кричишь так? В ухо прямо.

Второе Облачко повернулось на другой бок, чтобы получше разглядеть, что там за Лучик бьётся у края Земли?

– Ну да, вижу. Только он погас чего-то, сорвался. Может, сил не хватило?

- Да, – вздохнуло Первое, – сорвался. Сил не хватило.

* * *

Сверху, где облачка плыли, хорошо было видно: Лучик был маленький, слабенький. Но зато храбрый! Темноты не боялся. Очень храбрый – он с разбегу вскакивал на край земной и цеплялся за него своими ручками-лучиками и ножками-лучиками. Но за край не мог перебраться – Темнота не пускала. Она просто огромной была,

во всё небо. И ленивой рукой смахивала Лучик назад, шептала ему: «Брось ты, дурачок. Лети, откуда прилетел. Здесь моё-о царство, а тебе, глупый, дороги не будет...»

Так шептала Темнота, шептала, а время тем временем шло, незаметно так. И Темнота, хоть и большой была во всё небо, но как-то вдруг поняла, что это её время идёт, и не просто идёт – уходит. И оттого расстроилась, перестала быть густой и чёрной.

Это не все знают, но я вам расскажу: когда Темнота расстраивается, по ней полоски начинают бегать. Разные полоски – серые, жёлтые, красные – разные, и все от расстройства. Но если не знать этого секрета, можно подумать, что никакая Темнота не расстроенная. Что она, напротив, о чём-то приятном мечтает – будто не Темнота она тёмная, а Зебра цветная, что пасется на звёздных полях и ловит губами вкусные кометы в ледяных стаканчиках...

Только в ту минуту, когда началась наша сказка, Темнота ни о чём не мечтала: ни о зебре, ни о вкусных кометах – ни о чём. Ей тогда ужасно грустно было, а потом так грустно стало, что ничего больше она не сказала. Просто махнула большой рукой и прочь пошла. А что она могла? Её время вышло.

И тогда Лучик, гордый, будто сам её победил, снова вскочил на край земной, осмотрелся, сверкнул золотым глазом и дальше полетел – дальше, как блестящая стрелка. А за ним другие лучики полетели над серыми камнями, над синей травой. А потом, чуть повернулся край земли, и все лучики как с горы побежали, запрыгали, словно зайцы. Да, так и запрыгали. И самый первый первым же превратился в зайчика – солнечного. За ним и другие превратились, обычное дело.

И тогда серые камни стали белыми, а синяя трава – зелёной. А если приглядеться – пятнистой, по ней, наверное, миллион солнечных зайцев носился, как светлая туча. А в этой туче прыгали совсем маленькие – зайчишки. И побольше – зайчата. А были такие зайчищи солнечные, что увидел бы кто – испугался. Только в те минуты ещё некому было пугаться, да и нечем, ни один глаз ещё не

был открыт. Даже у птиц, что вяло шевелили крыльями и перья топорщили, влажные от росы. Хоть и знали они – пришла пора просыпаться! – но притворялись, что ничего не знают, молчали и дремали сладко.

* * *

А потом в тишине вдруг раздался негромкий Бабах. Негромкий, еле слышный, в старом городе и пострашней были Бабахи, погромнее этого. Но птицы всё равно встрепенулись и правый глаз приоткрыли. Приоткрыли правый, моргнули два раза и левый расклеили. И вдруг – как взорвались! – кричать стали и судачить, что это за Бабах сегодня такой странный случился. Громче всех взрослые птицы шумели, они были большие, у каждой своё слово, и лезли они с ним не по очереди, а все сразу. За ними птицы поменьше клюв раскрывали, да редко им удавалось словечко сказать. А мелкие птенцы лишь подпрыгивали, очень хотели хоть пискнуть хоть что-нибудь, только им воли никто не давал! Вот ещё, мелких в спор пускать, пусть поживут, подрастут, ума наберутся, а потом уж и в серьёзные разговоры лезут, если пустят их, мелочь такую! Га-га-га-га-га!

И Птибудошт, старый чудный город, сквозь утренний сон слушал птичий вздор и сам просыпался. Просыпался, как все старые города просыпаются, – не спеша. Его добрые горожане потягивались, позёвывали, уже собирались вставать, но потом снова зарывались в мягкие подушки и прятались под одеяла, чтобы ещё чуть побыть в неге и тепле. Но птичий гомон за окном не стихал, всё громче становился, будто в Птибудоште жили одни птицы. Они трещали, кричали, даже звенели, как сто тысяч будильников, и потому руки добрых горожан снова вылезали из одеял и нехотя их отворачивали, а ноги ещё дальше одеяла отпихивали, к самой стене. Потом ноги сползали с тёплых простыней, босые пятки тянулись к полу, шарили,

искали тапочки, прятались в них и шли к тёплой воде. Вода умывала уши и щёки, брови, подбородки. И глаза, конечно. Чтобы те поморгали, сбросили с ресниц чистые капли и улыбнулись – сами себе. Себе и всему вокруг, что взгляду встретится.

И не зря! В старом городе было чему улыбаться: все комнатки были чистенькие, уютные, на подоконниках цветочки, на окнах – занавески с цветочками. А за окнами было видно, как просыпаются улочки, переулки. Или уже проснулись. Потому что у некоторых добрых горожан утро начиналось совсем рано: пока все ещё лежали в тёплых кроватях и посапывали в мягкие подушки, и птицы ещё не кричали, зайцы не прыгали, этим некоторым уж некогда было, не до сна. Они с первым солнечным лучиком вскакивали с постелей быстро-быстро, без всякой дрёмы и неги. Одевались ещё быстрее и принимались за работу. Надо было затопить печи, испечь свежий хлеб, молоко разлить в бутылочки и свежие газеты положить в почтовые сумки. А ещё надо было открыть витрины магазинчиков, лавочек, кофиков, смахнуть пыль и навести блеск, чтобы в тот самый миг, как зазвенит дверной колокольчик, всё внутри так и сверкало, и блестело. И колокольчики просыпались тихо, но быстро. Они неслышно шевелили язычками, готовили нежный перезвон и нетерпеливо гадали, кто же сегодня первый к ним придёт, первым заглянет в дверь?

II

В тот ранний час все колокольчики молчали, а один – не молчал. Это был очень бойкий колокольчик, бронзовый. Лет десять назад, чуть больше, его выковал Лео, лучший кузнец во всём Птибудоште. Весь город просил его сделать самый чудесный колокольчик на свете, с удивительным нежным перезвоном. Кузнец был не робкой души человек, но весёлый, и в работу вложил всю душу. Вот и колокольчик получился нежный, весёлый и вместе с тем неробкий. Потому он и позвякивал в ранний час, когда другие молчали.

Вы, наверное, догадались, что такой необычный колокольчик должен висеть у дверей необычного дома, да? Так оно и было. Домик, где висел колокольчик, был не просто домиком, это был кофик – маленькое кафе. Маленькое, но не простое. В Птибудоште этот кофик каждая кошка знала, каждая собака, каждый ребенок и его родители тоже знали. Все его знали и любили. А почему – мы об этом скоро расскажем.

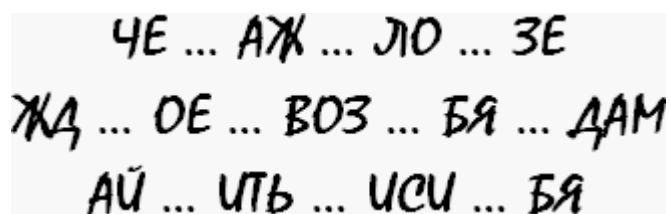
Бойкий колокольчик – он висел в самом центре старого города, а кофик там стоял, в самом центре, почти. Вот если бы кто превратился в птицу и поднялся высоко-высоко, он бы увидел, что сверху Птибудошт похож на круг, круг этот неровно делит река, а как раз посередине круга лежит большая площадь. На краю площади стоит ратуша, напротив неё – домик, тот самый домик или кофик, про который вы уже знаете. Вот и получается, что колокольчик тоже висел в самом-самом центре. Почти.

Впрочем, не так это и важно: ведь с высоты смотреть – не много увидишь. С высоты и колокольчик казался маленькой точкой, а сам кофик был как зелёный квадратик, не больше, не лучше. Но на деле всё было не так. Вот если бы кто перестал быть птицей, спустился с высоты и попал на городскую площадь, он бы сразу увидел много занятного. Например, что весь кофик утопал в винограде. Не буквально, конечно, это только так говорят, а кофик утопать и не

думал. Просто вокруг него стояла высокая ограда из цветных деревянных плашек, а по этим плашкам вился зелёный дикий виноград – такой густой, что листья совершенно закрывали кофчик. А по виноградным стеблям ловко прыгали настоящие белки – они прибежали сюда из соседнего парка. Рыжие, с чёрными подпалинами. Такое в городах нечасто встретишь.

Виноград и белки, бутерброды и тёмное пиво, лимонад, вкусный кофе и печенье, пирожные, мороженое – конечно, этот кофчик все любили. Когда на улице было не холодно, дождь не шёл, гости кофчика устраивались под виноградными листьями на площадке перед дверью – на площадке из больших каменных плит. Там было так уютно! Виноград над оградой рос и рос, свивался в огромный зонтик, под ним даже в самые жаркие дни было не жарко.

Обычно кофчики в Птибудоште как-то назывались. В городе был кофчик «Васильковый», был «Уютный камин», «Райский уголок», «Вишенка», а ещё – «Диванный», «Синий», «Радужный», а ещё – совсем странные «Буриме» и «Макинтош». Но наш кофчик никак не назывался, у него даже вывески не было. Правда, над дверью под самой крышей были написаны какие-то слова, только их никто не мог разобрать:

ЧЕ ... АЖ ... ЛО ... ЗЕ
ЖД ... ОЕ ... ВОЗ ... БЯ ... ДАМ
АЎ ... ИТЬ ... ИСИ ... БЯ

Видите, это даже не слова были, а какие-то обрывки от слов, что когда-то выложили цветными стёклышками. А вокруг них под крышей дома целая картина была, большая мозаика. Но её время тоже не пощадило, тоже оставило лишь обрывки, которые сложно было сложить во что-то целое. Над словами остались только штрихи каких-то фигур: то ли небольшие драконы, то ли крупные кошки. Да! Иногда казалось, что линии сплетаются в очертания двух кошек, что

сидят спиной друг к другу, будто чем-то недовольны. Причем хвост у каждой кошки был не один, несколько было хвостов. Так казалось, когда солнце светило ярко, и сквозь виноградные листья пробивались лучи, пятнами освещая старую мозаику. Но потом солнце заходило за тучу, и штрихи рассыпались, фигуры стирались. А как иначе? Раньше цветных стёклышек было много, но потом время и дожди, ветер, снег, морозы, жара сделали свое дело: многие-многие стёклышки выпали, потерялись. Но всем о-очень хотелось понять, что за картина была под крышей, что за слова там были написаны?

Вот загадка – слова и картинка! Но все гости кофика ломали головы над ними, все-все, каждый, кто в кофик заходил. Вернее так: головы они ломали *под* ними, *под* этой картиной, *под* тем, что осталось от слов. Гости сидели внизу за уютными столиками в плетёных креслах и спорили день за днём, год за годом. Всё пытались сложить штрихи и буквы – понять смысл. И спорили-спорили. Вообще, в Птибудоште любили спорить по любому поводу, в любое время.

Вот, например, в городе иногда случались Бабахи. Не каждое утро, не каждый день, не слишком часто, но всё же бабахали иногда. К ним, конечно, все привыкли и по привычке считали, что Бабахи – обычное дело, никакое не особенное. Да и бабахали они негромко, чуть слышно. Иногда только, раз в год, не чаще, в городе раздавался Ужасный Бабах, как его называли. Он был погромче грома в хорошую грозу – такой о-громный, что казалось, дома вздрагивали и на целый вершок вращали в землю. И птицы тоже вздрагивали, в землю, конечно, не вращали, но срывались с деревьев и долго кружили, не могли успокоиться, кричали и жаловались неизвестно на что. Все вздрагивали и пугались, даже собаки в обнимку с кошками прятались, кто куда сможет – на всякий случай. Странно было такое слышать и непонятно, откуда это слышалось?

А раз непонятно, значит, интересно. Раз интересно, значит, есть о чём поговорить. А если есть о чём поговорить, то и поспорить

можно. И потому о Бабах в кофке тоже спорили до хрипоты. Некоторые даже думали, что у Бабахов и старой мозаики под крышей есть что-то общее. Они тыкали пальцами в странные буквы и штрихи, а ладонями строили догадки – как домики. Всё пытались понять: почему сверху было написано «ВОЗ ... БЯ ... ДАМ», и почему порой кажется, будто там две многохвостые кошки сидят спиной друг к другу.

Иногда большие учёные вступали в спор и важно надували щёки, от большой науки всем объясняли, что кошек там нет, что слова эти пока никто не разгадал, а Бабах – просто явление природы. Да, обычное явление, по всей видимости, природы, правда, не до конца изученное. Что, возможно, такой гроыхающий звук без грозы может получиться, если фронт низкого давления в атмосфере пересекает зону слабых подземных толчков при температуре строго выше одиннадцати градусов по Цельсию и строго ниже тринадцати. Но поскольку подземные толчки в нашей части планеты – редкость, то учёным никак не удаётся измерить давление там, где они толкаются. И температуру тоже не удаётся измерить. Это архисложная задача, но наука не стоит на месте: всё, что когда-то было тайной природы, со временем находит объяснение. А если сейчас объяснения нет – это дело временное. Да!

Большие учёные эти слова говорили и успокаивались, а все остальные никак успокоиться не могли и каждый вечер спорили и спорили. Порой так увлекались, что бородой смахивали пену от тёмного пива или длинные усы макали в чёрный кофе. А в иное время даже глазами косили в разные стороны – искали там ответа, да никакого ответа там не было.

Один старичок часто рассказывал, что в старые времена все буквы у крыши были целыми словами, их запросто можно было прочесть. А слова это были не простые, слова были очень важные, может, даже волшебные. Все они что-то значили, только он забыл, что именно. Потому что сам их не видел, но слышал от своего дедушки, когда ещё был маленьким мальчиком. Старичка слушали очень

внимательно, хотя все его историю знали наизусть. Но всё равно, когда он рассказывал, всё затихало, можно было услышать, как белки шуршат в виноградных листьях, так тихо становилось. У всех замирало дыхание, хотя старичку почти никто не верил. А самые недоверчивые вообще не верили ни единому слову.

Верили – не верили, но сами-то ничего не могли сказать! Никто толком ничего не знал и, конечно, не помнил. Ведь маленький домик, который потом стал кофником, он на краю площади уже давно стоял, может двести лет, может, все триста. Это был чуть ли не самый старый в Птибудоште дом. Когда-то давно его сложили из крепких камней и поставили на большие каменные плиты. И за много-много лет ни один камень не раскололся, не потрескался. Только цветные стеклышки у крыши потрескались и выпали.

Впрочем, бог с ними, что на них смотреть? Многие смотрели и ничего не поняли. А мы – лучше заглянем в кофик, вдруг там найдём что-то интересное?

Внутри кофика, конечно, не было винограда и пушистых белок. Зато стояли особенные столики и кресла, их на улицу не выносили, чтоб не попали под дождь. Это были старинные плетёные столики и кресла искусной работы, они умели так удивительно скрипеть, словно пели песню о временах, когда Птибудошт был совсем другим, наверное, молодым городом. И часы-ходики на стене были молодыми, и кукушка в них тоже была не дряхлой – не таким хриплым «ку-ку» считала время, куковала, что день продолжается, что ночь продолжается.

Под ходиками блестела витрина с такими вкусными пирожными – от одного взгляда на них хотелось съесть не одно, а два или три сразу. А рядом с блестящей витриной темнела резная дубовая стойка с высокими табуретами. На ней серебрились большие краны с разными сортами пива, лимонада и – самое большое чудо! – старинный кофейный самовар, что готовил самый вкусный кофе во всём Птибудоште.

Но самыми-самыми в кофике были его хозяйки. Это были не взрослые женщины, не девушки, а две девчонки, две неразлучные подружки с необычными именами. Или обычными – это кому как покажется. Полностью их звали Элина-Берта-Ада-Марта и Люсия-Стефани-Каролина-Вита. Но, конечно, так длинно они себя не называли, хотя в Птибудоште любят длинные имена. Любят длинные, но маленьких хозяек все звали коротко и просто – Эли и Люси. Звали их просто, а вот появились они в Птибудоште совсем не просто.

III

Одной весной небо над городом было ясное, синее, без единого облачка. Это хорошо, когда небо такое, и добрые горожане поначалу радовались, но проходили дни, а небо над старым Птибудоштом не менялось, оставалось таким же – ни облаков, ни туч. Жара для ранней весны стояла страшная, даже почки на деревьях затвердели и не могли раскрыться. Первая зелёная трава стала желтеть, и река, что неровно делила город, теряла воду, мелела день ото дня. Такой засухи не помнили даже старые люди, они хмурились и ворчали на жару. А те, кто помоложе, сначала шутили и пошучивали, но потом тоже стали ворчать – беспокоились, даже боялись, что их зелёный Птибудошт навсегда останется серым и жёлтым. И все боялись, что урожай в этом году погибнет, фермеры в окрестностях города разорятся – в общем, много бед будет от жары. А воды становилось всё меньше, едва хватало на еду и питьё.

Добрые горожане каждый день выходили на улицы, площади, скверы и видели, как желтеет трава и засыхают ветки. И каждую минуту смотрели на небо – вдруг где появятся облака? А ещё лучше – тучи. Или много-много туч! Они принесут в город дождь. Да, пусть будет дождь, пусть льёт проливной, зато Птибудошт вновь станет зелёным, как всегда красивым до поздней осени. А потом выпадет снег и придёт другая красота.

И вот, однажды утром вдалеке в синем небе появилась тёмная точка. Все добрые горожане высыпали на площадь перед ратушей, смотрели на неё не отрываясь, и каждый молился или просто шептал – может, тёмная точка превратится в большое тёмное облако? А точка росла, приближаясь к городу, и непонятно было, что это такое, пока не приблизилась она и не стала – о! – воздушным шаром в окружении чёрных грозовых туч.

Про воздушные шары люди в Птибудоште слышали и даже видели их – на картинках в книгах и газетах. Но настоящего шара ещё

никто не видел, и потому на него смотрели, как на большое чудо, тем более что чудо это окружали огромные-преогромные грозовые тучи. Прямо как в сказке – плотным кольцом, будто грозные великаны охраняли шар. Даже страшно становилось от этого, и добрые горожане только пальцами тыкали в небо, в грозных великанов, но ничего сказать не могли, боязно было.

Потом шар стал опускаться на площадь. Очень плавно и ровно. А тучи – они окружили город и засверкали маленькими молниями. Шар был невероятно большой, опутан сеткой, к ней были привязаны толстые верёвки, что держали корзину. И корзина была не маленькая, но рядом с шаром казалась почти крошечной, как напёрсток.

Все на площади смотрели, как она опускается, как над ней нависает шар, как над шаром сгущаются чёрные искрящиеся клубы. И вид у них был пугающий, а ещё пугала тишина. Никто ничего не говорил, только изредка раздавался треск молний и лёгкий гром. И тогда люди чуть слышно тянули воздух – «Ох!» или «Ах!». Или вместе: «О-ах!» Ветра не было, воздух стоял, корзина опускалась. Опускалась, опускалась, пока не стукнула дном о камни площади перед ратушей. И тогда смелые горожане заглянули в неё и увидели, что на дне лежат два конверта – очень красивые, из атласной ткани, и в каждом пищал младенец. Они ещё не плакали, но, видно, собирались громко расплакаться, раскричаться.

Самыми смелыми оказались женщины, они подняли конверты из корзины и стали баюкать малышей, разглядывая их славные личики. А потом самые смелые мужчины перегнулись и постарались найти в корзине ещё что-нибудь. Но в корзине ничего приметного больше не было, только толстые верёвки и какие-то тряпочки. Но в них что-то блеснуло, и смелые мужчины вытащили ещё один конверт – не с младенцем, а с письмом. Потом они попытались найти ещё что-то, но не успели: подул тоненький ветерок и чуть наклонил шар. За ним – почти настоящий ветер, от которого шар ещё больше наклонился и потянул за собой корзину. Самые смелые мужчины не стали её

удерживать, у них всё равно не хватило бы сил. И правильно они отпрянули от корзины! Потому что секундой позже над площадью сверкнули сразу три молнии. Они сверкнули где-то в вышине, между тучами, что окружили город. Но следом за ними налетел такой вихрь, что волосы у всех на площади взвились и легли набок. А следующий вихрь был в десять раз сильнее. Он как будто ниоткуда рванул и подхватил огромный шар, как пушинку. И все смелые закричали от радости – что никому не хватило глупости залезть в корзину, потому что шар кружило по спирали, с каждым витком он улетал всё выше к чёрным облакам. А потом пропал в них, и больше его никто не видел. Может, кто-то видел в других городах, но об этом в Птибудоште ничего не слышали.

Конечно, потом пошёл дождь. Не какой-то там мелкий дождик, а ливень, как в сезон дождей в далёкой восточной стране. Но ему были рады, а наутро Птибудошт сверкал всеми оттенками зелени. Распустились почки на деревьях, появились листочки на кустах, трава не просто стала зелёной, она выросла на целый вершок, пока шёл дождь. Видно, природа ещё больше, чем люди, ждала воды.

Но это, в общем, не так и важно. Главное – все видели чудо, это чудо спасло город, и потому две малышки сразу стали почетными горожанками. Да, две малышки. В атласных конвертах лежали две крохотные девочки. Каждый человек на площади хотел взять их к себе. Многие начали спорить – что у кого-то прав больше, у кого-то меньше. Кто-то раньше заметил воздушный шар, кто-то позже, а у кого-то хватило смелости взять малышек на руки. Очень мирные и добрые жители Птибудошта чуть не подрались. И тогда мэр громко сказал своё слово, а потом вывесил на площади приказ, в котором каждый мог прочитать:

Добрые горожане, добрые горожанки. Я вижу, что благодарность переполняет ваши сердца. Я знаю, что каждый дом, каждая семья готова стать родной для двух чудных девочек, что прилетели к нам на воздушном шаре и принесли с

собой долгожданный дождь, который, прямо скажем, спас наш город. Но я также вижу, что наши добрые горожане готовы разорвать бедных малышей на кусочки, а этого мы никак не можем допустить. И потому властью, данной мне городом, я принимаю такое решение:

1) Дом напротив ратуши, где сейчас никто не живет, становится родным домом наших малышей.

2) Город сделает всё, чтобы старый дом стал ухоженным и уютным, чтобы наши спасительницы могли расти в нём, не испытывая никакой нужды.

3) В этот дом смогут приходить все-все-все, кто хочет растить и воспитывать наших малышей. Если же желающих будет слишком много, им придется записываться в очередь у моего секретаря в кабинете № 1 на первом этаже ратуши.

Ваш дорогой мэр,

Филипп-Эммануил-Иоанн.

Конечно, желающих было слишком много, и бедный секретарь мэра с раннего утра и до позднего вечера записывал, кто и когда будет растить и воспитывать малышей. И не успевали люди, записанные на 10 утра, накормить маленьких девочек, как в 10:30 им стучали в окно и показывали часы – что пришло время другой семьи. Другая семья понимала, что кормить два раза подряд – нехорошо. И потому начинала читать малышам волшебные сказки, которыми так славится Птибудошт. Через полчаса в окно стучалась третья семья, где старшая дочка прекрасно играла на клавишине. И она устраивала для малышей концерт волшебной музыки, которой так славился Птибудошт. Четвертая семья убаюкивала, пятая и шестая – охраняли сон, пели колыбельные песни. Седьмая одевала малышей, восьмая снова кормила и так по кругу с утра до вечера и с вечера до утра.

А потом малышки выросли. Весь город гордился ими и больше не спорил, понимал, что делить на кусочки девочек не надо. Город сам чуть не разорвался на кусочки, чтобы каждый добрый горожанин и каждая горожанка, тоже добрая, конечно, все чувствовали – это наши дети! Я их кормила, а я им читал, я учил грамоте, а я катала на лошади. И так по кругу, по кругу, по кругу.

Девчонки выросли смышлёными и забавными. Ведь у них было много родителей, много любви и тепла. Каждый родитель их чему-то научил, и потому иногда казалось, что Эли и Люси умеют всё на свете. А от этого казалось, что они старше своих одиннадцати лет – ровно столько времени прошло с той весны, когда малышки прилетели на воздушном шаре. И ещё весь город ломал голову, старался отгадать – то ли они родные сёстры, то ли не родные и не сёстры? Кто-то говорил, что они похожи друг на друга, как близнецы. Но ему тут же отвечали, что он никогда близнецов не видел, а Люси и Эли в лучшем случае кузины, но никакие не близнецы. Да, в Птибудоште любили спорить по любому поводу.

А без повода, просто так, Люси была светлая и сероглазая, и чуть повыше Эли ростом. А у Эли глаза были тёмно-зелёные, а волосы, совсем чёрные, прямые и гладкие, блестели, как у японской куклы. А ещё Люси обычно двигалась быстро, чем и не думала хвастаться, а Эли...

Но нет! Не будем. Не будем мы раскрывать все секреты сразу, потому что этих секретов впереди – видимо-невидимо, воз и маленькая тележка. И ещё две тележки в придачу. Только одной маленькой тайны мы ещё раз коснёмся: вы же помните про третий конверт, с письмом, что нашелся в корзине воздушного шара? Так вот, он ничем не помог и почти ничего не рассказал – откуда появились Эли и Люси? Правда, на нём было написано красивыми буквами: *«Для Элины и Люсии. Это письмо надо отдать девочкам в день, когда пройдет ровно одиннадцать лет и одиннадцать месяцев со дня их появления в вашем городе!»*

Так добрые горожане узнали, как зовут малышей. Некоторое время умные мужчины думали – а кто из них Элина и кто из них Люсия? Но умные женщины быстро нашли на атласных конвертах метки **E** и **L**, и после этого уже никто не сомневался, что каждая девочка получила свое имя, что имена никто не перепутал. Правда, в Гражданской Книге Записей Птибудошта двум почетным горожанкам добавили еще несколько имен. Во-первых, чтобы было красиво. А во-вторых, чтобы потом, когда малышки вырастут, каждая смогла выбрать для своей взрослой жизни двойное или тройное имя – в Птибудоште их очень любили, двойные и тройные имена.

Но вернемся к конверту с письмом. Конечно, это письмо все очень-очень хотели прочесть, хотя читать чужие письма – нехорошо. Но добрые горожане сразу догадались, зачем и почему им надо раскрыть конверт. Они надеялись, что послание для Элины и Люсии поможет им лучше заботиться о девочках. И еще надеялись, что они смогут найти родителей маленькой девочке или хотя бы начать поиски. Конечно, добрые горожане были уверены, что письмо надо прочесть. Но никто не смог этого сделать! Конверт у письма был какой-то странный, он не открывался. Конечно, его пытались открыть. Сначала руками, потом ножами и ножницами, потом даже кузнеца Лео просили, чтобы он как-нибудь вскрыл загадочный конверт. Но кузнец тоже ничего не смог сделать – конверт был как заколдованный, он даже в огне не горел, его даже топор не брал, и пила не пилила. Его ничем нельзя было разрезать, нельзя было разорвать. Поэтому любопытные горожане потихоньку успокоились и отдали конверт мэру, он держал его в ящике для особо важных бумаг.

А девчонки, Эли и Люси, жили в Птибудоште, не тужили. Больше всего на свете они любили принимать гостей – ведь они привыкли к этому с раннего детства. И потому однажды попросили мэра чуть-чуть перестроить двор и входной зал своего домика, превратить домик в кофиз, чтобы каждый добрый горожанин и каждая горожанка, тоже добрая, могли приходить к ним, когда захотят.

Мэр почесал свою круглую голову и спросил: «А вы не слишком маленькие, чтобы работать?» Но девчонки ему бойко ответили, что они уже почти взрослые и работа им нипочем. И они были правы, ни чуточку не выдумывали.

* * *

Солнечные зайцы и рыжие белки только начинали прыгать по виноградным стеблям, а Люси и Эли уже трудились и трудились, как заводные – ведь даже в маленьких кофках бывает много дел.

– Эли, ку-ку! Мой мальчик!

Люси не звала подругу, а так, подшучивала над ней. И над собой тоже. Она страсть как любила мультики и выбирала из них смешные слова: всякие там: «Ку-ку, мой мальчик!», «В попугаях я значительно длиннее» или «Акела промахнулся». И повторяла их порой без всякого повода – сейчас она натирала до блеска витрину с пирожными, до зеркального блеска, и внимательно разглядывала своё отражение.

– Здесь я, дар, здесь! – Эли отвечала серьёзно, толкая перед собой столик на колёсиках, уставленный салфетницами и сахарницами, солонками и перечницами. И её ловкие руки так быстро мелькали, что, казалось, перечницы и солонки сами выпрыгивают на столики и занимают самые удобные места.

Девчонки перебрасывались нехитрыми словами, что-то приукрашивали, что-то поправляли. Надо было успеть, пока в кофке не появились первые гости. А потом они появлялись – первые, за ними вторые, третьи, четвертые. И так целый день до позднего вечера. Целый день маленькие хозяйки кормили и поили своих гостей, бегали от стойки к столикам, от столиков к другим столикам, и улыбались, улыбались, говорили приятные птибудштские слова, и снова улыбались, под вечер чуть усталыми улыбками.

А иначе и быть не могло. Ведь в Птибудоште все-все считали девчонок своими – дочками, сестрами, внучками. И вообще, в Птибудоште жили люди добрые. Конечно, они любили спорить и часто спорили так, что чуть не ссорились друг с другом, но по-настоящему никогда не ссорились. Больше всего на свете они любили посидеть за чашкой чёрного кофе или кружкой тёмного пива – просто, не спеша. Поболтать, о чём душе угодно, поесть что-нибудь вкусненькое. Да, добрые люди жили в Птибудоште. А недобрых и злых маленькие хозяйки даже не видели, не пришлось. Им даже казалось, что злые и недобрые – таких вообще не бывает, что они только в книжках и мультиках встречаются. Но однажды, ранним утром в их кофике появился очень странный гость.

V

Вслед за тишиной пришла задумчивость и осталась надолго. Люси она сразу не понравилась: обычно мысли в её голове были живые, а сейчас они замирали, еле шевелились, и от этого Люси морщилась, словно ела что-то невкусное. А Эли – Эли просто тихонько думала. Думала, что всё на свете проходит, хорошее и плохое, горькое и сладкое, даже неприятности проходят, надо только подождать, пока они все пройдут.

В задумчивости девчонки стали тихими. Они молча смотрели на погром, что великан сотворил, жаба такая, чуть не разломал их славный кофик. Молча собирали осколки большой кружки, перебитые вазочки, блюдечки, ставили столик на место – ему ещё повезло, ничего ему не сделалось. Но тут они увидели кресла, а у кресел вид был такой пострадавший, такой несчастный и поломанный, что девчонки сами стали несчастными и поломанными. Они руки опустили, вздохнули тяжело и побрели за двери кофика – ставить на место себя самих. Если вы пробовали ставить себя на место, то знаете, что это дело непростое и небыстрое. Эли и Люси об этом догадывались и на всякий случай приладили на стеклянной двери кофика картонный листок:

**ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ, НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ.
МЫ ПЕРЕСЧИТЫВАЕМ МОРОЖЕНОЕ,
ПОДОЖДИТЕ НЕМНОГО,
ПОЖАЛУЙСТА! СПАСИБО!**

Колокольчик за дверью тихонько позвякивал. Может, ветер его шевелил, а может, и сам он о чём-то думал. На стене тикали ходики с немолодой кукушкой. Время уже к половине седьмого подошло, механизм у ходиков заскрипел, зашипел, приготовился отбивать

время, но кукушка только высунулась из резной дверцы и сразу обратно спряталась. Посмотрела на несчастных девчонок и поперхнулась – обычное «ку-ку» у неё в горле застряло.

Эли и Люси не находили себе места, бестолково бродили по кофику. Ходили, ходили, столько шагов прошли от угла к углу, что по обычной своей скорости могли две улицы пробежать и обратно вернуться. Но сейчас ноги у них вяло передвигались, как ватные, а ватные руки только начинали зачем-то подниматься и опускались сразу. Движения были жалкие, тоскливо от них становилось, как от капель из ржавого крана, что капают, капают.

Девчонки ещё раз отворили стеклянную дверь, внимательно посмотрели – может, они чего-то не заметили, не увидели? Может, под виноградным зонтиком что-то новое случилось? Но нет, ничего там не случилось. Только рыжие белки продолжали свешиваться, прислушиваться, и два голубя прилетели поклевать пирожные, миндальные и овсяные. К ним великан и притронуться не успел. Или не захотел.

Подруги покосились на голубей – те были очень заняты, крошили и отнимали друг у друга сладкие кусочки. Посмотрели на белок – эти рыжие только сверкнули бусинами глаз, махнули хвостами и скрылись в виноградных листьях. Ох, ну что тут поделаешь! Пришлось снова прикрыть дверь и хоть что-то придумать: от бестолковости, от несносной ходьбы, от тишины с горькой задумчивостью – никаких сил не осталось.

И тогда Эли взяла чашечки, две. Дернула ручку кофейного самовара и приготовила кофе, чуть крепкий, чуть сладкий, добавила пару капель молока. У девчонок был замечательный самовар. И ещё – удивительный дар варить вкусный кофе, от его густого аромата даже самые печальные гости кофика оживали, а сейчас подругам надо было себя оживить. Они уселись на высокие табуреты у дубовой стойки, зажали чашечки, чтобы ладошкам стало тепло, горячо, и маленькими глоточками стали выгонять, выталкивать свою

задумчивость. Но она не хотела уходить, её толкали, она упиралась, её выгоняли, она возвращалась и мучила.

А девчонкам уже сто раз надоело мучиться, и потому кофейные чашки в их руках стали беспокойно себя вести. А когда подружки с новой силой подтолкнули задумчивость, по тёмному кофе в чашках пошли волны. Вообще, маленькие хозяйки редко молчали, разве что во сне или когда были о-очень увлечены каким-то делом. Но сейчас никакого дела у них не было, и спать не хотелось, и молчали они слишком долго, особенно Люси. И потому молчание дулось, как мыльный пузырь, дулось, дулось и... лопнуло!

– Нет! Ты подумай, какая жаба бессовестная!

Девчонки как проснулись, и сразу закричали громко и одинаково. На самом деле, кричать они не любили, но сейчас, как пошли волны по тёмному кофе, всё вокруг словно взорвалось от сердитости, и волны, казалось, прямо по кофику ходят взад-вперёд и плюхаются. Если бы кто со стороны смотрел – мог бы подумать, что Эли и Люси на табуретах раскачиваются и брови хмурят, чтобы покрепче друг с другом поссориться. Но они, конечно, только на великана сердились – так, что у них руки чесались дать ему по башке чугунной сковородкой.

– Невероятно! Дар. Не-веро-ятно!

– Да нет, ты вспомни, как он её! Что он её?!

– Нет, ты сама вспомни!

– И вообще!

– А послушай, она!

– И такая красивая!

– И такая несчастная!

– Я бы его за это!

– Просто п-придушила!!!!

– А я бы его за это!

– Просто р-растерзала!!!!

«Ррррры!!!!» Девчонки уже разобрать не могли, то ли кричат они сердитые слова, то ли р-рычат. Р-руки у них держали горячие

чашечки, хотя им больше хотелось мелькать и крутиться. А рычащие слова вместе с волнами носились по кофе и кофику, и будь у них силы побольше – ох, несдобровать бы простой посуде и расписным тарелкам, что висели на стенах для красоты. Но силы хватало только, чтобы всё вокруг дребезжало и подпрыгивало, и снова дребезжало, и снова подпрыгивало.

Сердитые волны в кофике стали огромными, просто большущими. Кукушка, что уже полчаса готовилась прокуковать семь раз подряд, снова выглянула и сразу спряталась, все свои «ку-ку» проглотила. А девчонки не успели коленки отвести, как весь кофе из чашечек на них горячими волнами вылился. Ну, не весь, в каждой осталась пара глотков. Но, главное, крик оборвался, будто его оборвали. От горячего кофе на коленках снова стало тихо, в кофик снова забралась полная тишина.

«Господи-боже-ж-ты-мой!» – прошептала Люси, и Эли прошептала, других слов у них не нашлось. Но от тихого шёпота они вдруг поняли – им вдруг стало ясно, что кроме обиды есть вещи похуже. Что бог бы с ним, с этим великаном лупоглазым, жабой такой! Или даже чёрт бы с ним. Пусть он нахамил, нагрубил, столько славных вещей поломал и каменные плиты поцарапал. Всё это гадость обидная, но он же, жаба такая, красавицу под землю утащил! Прекрасную пленницу. Утащил, как соломенный тюфяк! Как старую куклу! Вот это – да, гадость! Ог-ром-но-про-тив-на-я-нес-тер-пи-мая! Вот такая.

– А тебе не показалось, что она у нас помощи просила? – Эли очнулась от сердитости и уже по-другому, с вопросом, нахмурила брови.

– Конечно, показалось! – Люси даже не задумалась, хотя, если честно, никакого знака от пленницы не видела и не помнила.

Девчонки ещё раз внимательно посмотрели друг другу в глаза и громким хором перешли на новый крик:

– Вот, жаба какая! Ну нет, этого я ему точно ни за что не прощу!

Это у них часто бывало. Очень часто маленькие хозяйки вместе начинали говорить совершенно одинаковые слова, что всегда получалось смешно. И они смеялись до поросычьего визга, и поддразнивали друг друга – что слишком они задружились. Что им надо пореже видеться, и тогда разные мысли к ним будут приходить. Хотя бы иногда.

Но сейчас им почему-то не хотелось смеяться и дразниться. Люсины серые глаза в такие круги расширились, что казалось, вот-вот выскочат они и по полу покатятся. А Эли свои зелёные сжала в совсем узкие щелочки, будто спрятала. Но и так было видно, каким огнём они горят.

– И я не прощу, вот ещё, прощать всякую шушеру!

Крик девчонки сбавили и чуть не смехом прыснули. Люси уж точно смеялась и злилась одновременно.

– Знаешь? Лучше, знаешь, мы его догоним. Мы его. И... – и тут она надула щёки, стала воображать, как они догонят Большую Жабу.

– Ну, догоним. И что? – Эли недоверчиво посмотрела на подругу. – Что мы с ним сделаем? Ты же видела, какой он здоровенный?

Эли спросила, но в ответ получила не слова, а далёкий взгляд, очень далёкий. Люси смотрела сквозь стенки, унеслась в погоню, откуда-то взяла сковородку, не чугунную, правда, а легкую, медную. Зато этой сковородкой она надавала таких тумачков Большой Жабе! Отняла у него прекрасную пленницу. А он весь сжался и стал маленькой жабой, сидел под кустом и тихо квакал. А красавица обнимала Люси и слёзы лила ручьём. От счастья. Ручьём. Всё получилось так ясно, прекрасно, что никаких вопросов не было и быть не могло! Что мы с ним сделаем? Фу-ты, ерунда какая! И так всё понятно!

– Фу-ух! – Люси вернулась из воображения и выпустила воздух из щёк. – Ну что за дурацкие вопросы? Главное догнать, а там что-то придумается. Да-да, не бойся, само придумается. Само. А пока...

Тут она снова замолчала, так надолго, что Эли успела снять картонку с двери, повернула её и толстым синим фломастером

написала на ней что-то новое – на другой стороне. Потом пощёлкала пальцами, чтобы Люси к ней повернулась, дала ей взглянуть и снова приладила картонку на стекло двери:

ДОРОГИЕ ГОСТИ!
СЕГОДНЯ У НАС ВЫХОДНОЙ.
ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА.
ЖДЁМ.

– Ты что? – Люси даже выглянула из кофика, чтобы ещё раз на картонку взглянуть, – ты что, уверена, что мы за один день одолеем это чудище-юдище?

Она снова уселась на высокий табурет, выпила оставшиеся в чашке капли кофе и голову наклонила от удивления. А Эли серьёзно усмехнулась:

– Ой, дар, кто-то из нас не читал одну хорошую книжку. Да, кто-то не читал, моя *дарагая*. – Эли тоже прикончила свой кофе и со стуком поставила чашечку. И ещё раз серьёзно усмехнулась. – Сама подумай, ведь завтра, понимаешь, завтра кто-то прочтёт, что надо приходить завтра – и придёт послезавтра. А послезавтра он снова прочтёт, что надо приходить завтра. Только это уже будет послепослезавтра. Так что времени у нас сколько хочешь!

Люси ещё больше наклонила голову от такой головоломки.

– Времени у нас сколько хочешь, да?

– Угу! Сколько угодно.

Но от спокойного ответа Люси почему-то засуетилась и стала что-то искать на стойке, под стойкой и даже за кофейным самоваром.

– Сколько угодно? Ничего не угодно! Всё это ерунда. Из книжек. А мы-то, если торопиться. Уже сейчас некогда! Поняла? Собираться в путь и спасать!

– Какая ерунда? Почему некогда? Кого спасать? – Эли даже головой закрутила, ничего не поняла.

– Кого спасать? – Люси на полсекундочки задумалась, она как-то не заметила, что половину слов не успевает сказать, проглатывает. – Хм. Кого спасать?! – она повторила слова и вновь принялась что-то искать. – Кого спасать?! – тут Люси заулыбалась и так подмигнула подруге, будто сразу всё на свете поняла. – Ха! Уж не этого лупоглазого мы будем спасать! Жабу твою большую!

Под конец у неё прямо музыка в голосе зазвучала, а сама Люси вся засветилась от каких-то хитрых мыслей в голове и легко слетела с высокого табурета.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
Белое Безмолвие
и другие...

VII

Лестница вела вниз, в тот самый подвал. Обычно девчонки её быстро проскакивали – через две, через три ступеньки, но сейчас не торопились. Вдруг этот лупоглазый сидит там внизу и ждет их? И как выскочит! Или ещё какую гадость сделает, жаба такая! От этих мыслей становилось не по себе, но подружки их храбро отгоняли. И от большой храбрости дышали еле слышно, фонарики забыли достать и долго искали выключатель на стенке. Он там словно потеряться решил, радовался, что его не могут найти. И только когда Люси стала сопеть сердито и что-то ворчать про «дурацкий выключатель» – только тогда нашёлся.

Нашёлся и щёлкнул. И под потолком зажглась пара тусклых лампочек в серых кривых колпачках, а в полумраке перед девчонками выросла целая гора старых «сокровищ», покрытых толстой пылью. Гора эта как настоящая выросла, всё собой заслонила, казалось, она весь свет в себя втягивает. Но девчонки и в полутьме смогли понять – место, где великан спустился под каменные плиты, было у дальней стены.

– Дар, нам вот туда надо пробраться!

Эли шептала очень тихо, а пальчиком показала на дальний угол, но Люси её не дослушала и на пальчик не посмотрела. Она стала на цыпочки, дотянулась до ножки жёлтого дивана, что высывался из горы, и – оп-ля! – через секунду сидела верхом на этой ножке.

– Давай мне рюкзаки, я их здесь прилажу.

Люси говорила так, будто они с Эли всё вместе решили. Впрочем, она не ошибалась: девчонки умели договариваться без слов, порой они просто кивали друг другу и всё понимали, а потом делали дело так, словно в одного человека превращались. И сейчас как будто превратились. Они, почти не глядя, передавали рюкзаки из рук в руки, за ножки «сокровищ» осторожно хватались, на толстую пыль внимания не обращали. Быстро-быстро девчонки добрались до

самой верхушки горы, под потолок и там увидели, что дальше гора скатывается в глубокую яму. Не сама, конечно, скатывается – просто в ней глубокая яма образовалась, будто какая-то бомба взорвалась, разорвалась и раскидала старые «сокровища» в разные стороны.

Подруги осторожно, тихонечко сползли вниз, к самому дну, стали на ноги, осмотрелись, но ничего опасного не увидели. И ничего страшного тоже не увидели. Под ногами у них лежали спинки старых кресел, а на одной спинке спокойно перекатывался кудлатый моток из толстой шерстяной пряжи. Круглый и кудлатый.

Люси секунду подумала и недовольно фыркнула – рассердилась. Не могла понять, куда дальше пробираться. Вот они на дне ямы стоят – ямы, которую великан раскопал. Ну да, великан раскопал, кто же ещё? А дальше что? Куда он делся? Он, наверное, тайную дверь нашёл в подвале, или тайный ход. А потом завалил этот ход, чтобы никто не смог за ним погнаться. Это понятно! Но как этот ход найти? Они же не великаны, чтобы голыми руками «сокровища» ворочать.

Люси пару раз наступила на старые спинки и отпихнула кудлатый моток, чтоб не мешался под ногами. Отпихнула и удивилась: моток прыгнул вниз и покатился по ровному кругу – раз, другой, третий – и пропал, будто не было. Люси потянулась за ним, сделала шаг и вдруг замахала руками, словно птичка на сухой ветке.

Конечно, птичка не руками машет, а крыльями. А если сухая ветка под ней ломается, очень быстро машет, чтоб не упасть. Вот и Люси быстро замахала руками, но взлететь не смогла. Она чуть не провалилась вслед за клубком, но каким-то чудом встала на пятки, перегнулась пополам и перескочила на другой край опасной дырки. Клубок в этой дырке исчез, а Люси даже испугаться не успела, только глаза прищурила и застыла. Но потом поняла, что никуда не падает, осторожно повернулась и заглянула в тёмную дыру – удивилась, как она её сразу не заметила, такую большую. Правда, в этой тёмной дыре ничего не было видно – там, где клубок исчез, было совсем черно.

А Эли в это время смотрела вверх и ничего не могла найти в верхней темноте, пока не догадалась щёлкнуть фонариком и острый лучик направить прямо в потолок. Она провела лучиком по каменным сводам и плитам, что нависли над сводами.

– Смотри, дар, видишь?! – Эли перешла на совсем тихий шёпот, – Этот великан спустился на гору наших «сокровищ». Потом задвинул плиту и стал проход раскапывать.

– Вижу, вижу! – тихо потянула Люси, – Это понятно. А потом он в эту чёрную дыру полез.

– Куда полез?

Люси тоже щёлкнула фонариком, провела лучиком по краям тёмной дыры, чтобы Эли её увидела.

– Вот он куда забрался, наш великанчик. Ничего там не видно!

Да, ничего там не было видно. Острые лучики фонариков терялись, пропадали в густой темени. И от этого у девчонок даже мурашки побежали по коже. Побежали, но вдруг замерли: подруги увидели, что от самого края дыры вниз тянутся серые полосы – ступеньки подземной лестницы.

Ого! Лестница под землей! Фонарики заскользили по ступеням: по первой, второй, третьей. Девятую ещё можно было разглядеть, а десятую – только угадать, она еле виднелась в непроглядной тьме, будто лестница началась и сразу закончилась.

– Что-то невесёлая у тебя там картинка внизу, – Эли посветила своим фонариком в подземелье и нахмурила брови, потому что два лучика тоже не справились с подземной темнотой.

И пока она раздумывала – опасно это или не очень, спускаться в подземелье или не спускаться? – быстрая Люси уже взвалила на плечи рюкзак и ногой нащупала первую ступеньку. Потом вторую, третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую, восьмую, девятую... Десятую она нащупала очень осторожно, не зная, будет за ней одиннадцатая или ничего не будет? Но одиннадцатая ступенька оказалась на месте – там, где должна была быть. Люси обрадовалась, но всё равно не собиралась сильно рисковать: она

прицепила фонарик к кармашку курточки и теперь крепко держалась за лестницу, двумя руками.

– Слышишь, дар? – снизу Люсин голос звучал гулко и глухо. – Похоже, здесь долго придется. Спускаться.

– Долго? – Эли вздёрнула брови, перестала их хмурить, поняла, что от хмурых бровей ничего нового не придумается. – Подожди, не спеши, я сейчас! – Она тоже прицепила фонарик к кармашку куртки и отправилась вслед за подругой.

VIII

Сначала девчонки медленно перебирали ступеньки-полоски – всё боялись непонятно чего, да и оступиться, сорваться было страшно. И, вообще, не каждый день им такая длинная лестница попадалась, да ещё подземная, да ещё отвесная! И распухшие рюкзаки сильно мешали: они тянули вниз и неприятно скребли по подземным стенкам. Но потом неуверенность и страхи куда-то пропали, руки и ноги ловко научились хвататься и перебирать, а ступеньки пошли быстрее.

Эли и Люси с самого начала стали их считать. После девяти было десять. Потом одиннадцать, потом – сорок – сто – двести – триста – девятьсот. А после тысячи счёт сбился и потерялся. Подруги сначала этого не заметили, а когда потеряли счёт, уже было поздно. И тогда они сами немного потерялись, не могли понять – то ли глубоко они ушли под землю, то ли очень глубоко? Девчонки устали, всё чаще зависали на лестнице, включали фонарики и пытались хоть что-то новое в подземелье найти. Но лучики каждый раз показывали двадцать ступенек – десять сверху и десять снизу, и ничего больше, всё остальное пропадало в темноте. Она была очень тёмная, но потом...

– Знаешь, дар? – Люси давно молчала и теперь не узнала своего голоса, он стал глухим и каким-то хриплым. – А темнота наша вокруг стала другой, она немного светится. Да, по-моему, светится. Чуть-чуть.

Люси щёлкнула фонариком, выключила его, Эли тоже щёлкнула.

– Хмм! Кажется, ты права. Я тебя почти вижу. Странно, здесь никакого света не должно быть.

Люси дважды щёлкнула, включила и выключила.

– Не должно. Но я тебя тоже вижу. Свет откуда-то идёт, откуда-то снизу.

Девчонки очень внимательно посмотрели вниз, даже глаза прищурили, будто иголку искали, и увидели слабое сияние. И от этого им снова стало немного страшно, но ещё больше – любопытно. Люси чуть не сорвалась вниз, но не сорвалась, а попрыгала по лестнице к слабому сиянию. Она так спешила, что перескакивала через ступеньку-другую, забыв про все подземные опасности. Эли только успела крикнуть – поосторожнее! Но Люси этот крик как бы не услышала. И тогда Эли снова вздохнула и тоже стала быстро спускаться вниз. Конечно, не так быстро, как Люси.

А слабое сияние внизу становилось сильнее. Сильным оно так и не стало, потому что лестница вдруг закончилась. Да, так просто: тянулась, тянулась вниз и закончилась. И привела подружек в небольшую пещеру – она была круглая, а пол у неё был ровный. И теперь стало понятно, откуда шёл слабый свет: это сама пещера светилась – несильно и как бы сама по себе, будто её стены фосфором намазали. Но даже в слабом свете девчонки могли видеть друг друга без фонариков, им даже не надо было вглядываться, щуриться, глаза напрягать.

Впрочем, они об этом не думали. Лестница кончилась, но руки так привыкли хвататься за ступеньки, что и сейчас хотели снова за что-то схватиться. А ноги так привыкли нащупывать ступеньки снизу, что тоже хотели согнуться и нащупать ещё одну. Но лестница кончилась, больше не за что было хвататься, нечего было нащупывать. Эли пошевелила руками-ногами и решила немного постоять, привыкнуть к гладкому полу. А Люси стоять не стала: хотя ноги её плохо слушались, она пошла-заковыляла, пока не упёрлась в стенку пещеры. Потом подумала чуток, щёлкнула фонариком и дальше вдоль стенки пошла, светила лучиком во все стороны, искала что-то.

Так она прошла по небольшому кругу, а когда круг кончился и снова начался, стало ясно, что лестница, хоть и тянулась долго, но никуда толком не привела. Пол маленькой пещеры – он по кругу в стенки упирался. А потолок потихоньку сужался и уходил наверх вместе с лестницей. И никакого другого выхода, даже крошечного,

даже мышинной норки нигде не было видно. Люси ещё раз пошла по кругу, всё рассмотрела, всё обшарила.

– Странно! – она сбросила рюкзак, привалила его к стене, и сама привалилась. – Странно. Не мог же этот великан сюда притопать и вот так (Люси щёлкнула пальцами) раствориться? Очень это странно.

Эли тоже сбросила рюкзак и ничего не ответила. Она всё стояла, с места не двигалась и думала. Да, думала. Только мысли её по кругу ходили, как Люси вдоль стены. А потом остановились и тоже сказали: «Странно!» Будто поняли, что дальше им некуда идти. Эли даже плечами дёрнула, не любила она, когда мысли в голове стоят. Не любила, и оттого сама решила пойти вперёд, наугад сделала маленький шаг. Потом ещё один. И почти наткнулась на стенку, ощупала её ладошкой. Стена была шершавая, но сухая, не противная. Ладонка двигалась по ней, чуть шурша, и вдруг – стенка разгладилась, все неровности под ладошкой пропали.

Эли посветила фонариком и увидела в стене блеск сероватого света, а в нём свое слабое отражение, будто прямо перед ней в пещере висело тусклое зеркало. Конечно, никакого зеркала там не было, просто часть стены была очень гладкой и свет отражала. Ладонка потянулась, ещё раз провела по гладкой стене. И вслед за движением свет стал ярче, и отражение появилось почти ясное.

– Дар, смо-три! – Эли старалась быть спокойной, но всё равно запнулась от волнения. – Смотри, что я нашла!

Ноги у Люси уже хорошо научились ходить, она подошла к подруге, и тоже провела рукой по гладкой стене, отчего свет в ней стал ещё ярче. И тогда Люси, как хорошая хозяйка, сказала: «Пыль!» Потом пожала плечами и добавила: «Наверное». Она снова провела по гладкой стене, и отражение в ней стало ещё ярче – как в светящемся зеркале. Теперь в пещере было столько света, что фонарики превратились в горящие кружочки, их лучики уже не были видны. От стены с гладким зеркалом шёл свет. И каждое движение ладошек делало его сильнее, ярче, словно стирало невидимую пыль.

Девчонки про всё забыли, такую занятную игрушку нашли, что забыли про всё на свете. Люси водила и водила рукой по зеркалу, а зеркало светилось и светилось сильнее. Эли стояла рядом, помогала. Подруги даже про великана забыли, про пленницу, про круглую пещеру, в которой непонятно было, куда дальше идти – разве что обратно домой? Ладонки так и мелькали, а зеркало уже не просто светилось, оно почти горело ярким огнем. И вдруг вся стена вспыхнула, будто загорелась. Эли и Люси еле успели зажмуриться, чтоб не ослепнуть. И ещё долго не решались глаза открыть. Они испугались, сердечки их колотились, но любопытство щекотало изнутри: «А что там в зеркале? Светится оно так же сильно или уже погасло?» А в закрытых глазах расплывались круги разных цветов.

И когда девчонки наконец перестали бояться и осторожно приоткрыли глаза, сквозь разноцветные круги они увидели в зеркале мягкий свет. И это был не просто свет, а картинка, как в кино. А в картинке появилось... Нет! В картинке появился! Очень злой великан с выпуклыми глазами – точно, большая жаба. На лице его дергался толстый нос, а губы беззвучно шевелились, он что-то бурчал под свой нос. Потом лицо отодвинулось, так что весь великан стал виден, а под распахнутым плащом даже прекрасную пленницу можно была разглядеть. Она всё смотрела в никуда странными глазами, а этот, жаба неумытая, так неласково обхватил её большой лапой. Девчонки пошевелиться не успели, как великан поднял вторую лапу и погрозил им толстым и длинным пальцем. Потом отступил ещё дальше и пленницу затиснул глубже под плащ. Стал пятиться, пятиться, дошёл до стены. И... начал в ней растворяться. И не только растворяться, но опускаться куда-то вниз, словно за стеной новые ступеньки начинались.

Подружки так и застыли. Увидели Большую Жабу и двинуться не могли, стояли столбиками, пока великан не исчез и зеркало не потухло. Еле-еле светиться продолжало.

– Ха! Он нам грозить будет! Это мы ему! Как сейчас погрозим! – Люси встрепенулась и щёки надула от возмущения.

– Подожди, дар, подожди. Тут, кажется...

Эли не договорила, снова чуть нахмурила чёрные брови, пытаюсь что-то сообразить. Она провела пальчиком в воздухе черту, ещё одну, словно рисовала картину, словно эта картина помогала ей думать. И вдруг начала пятиться.

Люси с удивлением следила за её шагом, смотрела, как Эли осторожно ступает, как она движется от зеркала к дальней стене. А потом удивление Люси стало совсем большим, огромным – Эли пятилась и пятилась, но как дошла до стены, не остановилась, а вошла в неё спиной и наполовину исчезла.

– Всё понятно! – Эли говорила тихо и спокойно, будто делала что-то обычное. – Всё понятно, здесь можно выйти из пещеры. Здесь лестница продолжается.

Тут Эли неловко махнула рукой и снова нахмурила брови, ей что-то открылось, не очень приятное.

– Дар, дай мне рюкзак, только осторожно. Пожалуйста.

Люси вышла из удивления и подтащила рюкзак поближе к стене, из которой выглядывала половинка Эли.

– Дай мне в руки, я сама не могу взять.

– Почему не можешь?

– Стенка не пускает. Она пускает только в одну сторону, когда в неё пятишься.

– Когда пятишься? – Люси провела рукой по своей короткой стрижке. – А, может, это ловушка?

– Не знаю, я пока только лестницу нащупала. Но мне уже некуда деваться, так что давай рюкзак. Лучше я с ним в ловушку попаду, чем без него. А ты пока тут стой.

Эли по привычке хмурила брови, но всё равно пыталась улыбаться.

– Ну и шуточки у тебя, дар! Ф-ф-фр! – Теперь Люси не стала щёки надувать от возмущения, а просто фыркнула на подругу. – Что, я здесь стоять буду? И ждать непонятно чего? Нет уж, бери свой рюкзак, а я следом за тобой попячусь.

Эли взяла свой перепачканный зелёной краской рюкзак, осторожно протащила его сквозь стену и взвалила на плечи. Очень осторожно. Руками схватиться было не за что, вот она и старалась не упасть. Потом опустилась на одну ступеньку, на другую, и наконец смогла руками опереться на гладкий пол.

– Дар, ты только, это, не свались, когда будешь сквозь стену проходить.

– Не свалюсь, *дарагая*, сама не свались. А я сваливаться не собираюсь.

Люси снова фыркнула, взвалила на плечи рюкзак и попятилась сквозь стену. Пройти в неё оказалось совсем просто, будто и не было никакой стены. Люси нащупала ступеньки и тоже осторожно стала спускаться. Очень быстро её лицо погрузилось в каменные трещины, и когда камень сомкнулся, оказалось, что там за стенкой было почти светло, а здесь за стенкой – совсем темно. Зато снизу раздался голос Эли:

– Дар, ты здесь уже?

Люси щелкнула фонариком и осветила макушку подруги.

– Здесь я. А что у тебя там внизу?

– Лестница. Такая же, как раньше.

– Ну, спасибо. Это я сама вижу!

В свете фонарика Люси, действительно, видела очень знакомую лестницу. А больше ничего не видела.

– Здесь больше ничего нет, можешь не вертеть головой.

Люси опять захотела фыркнуть, но скоро сама убедилась, что Эли права, снова у них под руками и ногами была лестница и ступеньки, ничего, кроме лестницы.

IX

Да, за стенкой ничего нового не было. Девчонки уже не пытались считать ступеньки, и так было понятно, что их много, очень много. Руки и ноги опять устали и тихонько ныли – жаловались. А потом прошло какое-то время, и плечи под тяжёлыми рюкзаками тоже заныли, так измучились, что Эли и Люси чуть не вслух стали жалеть бедные свои плечики. Они всё чаще останавливались, переводили дух, светили фонариками, но ничего нового не видели – всё тот же десяток ступеней сверху, всё тот же снизу. И ничего больше.

Но вдруг лестница снова закончилась, а подружки попали в новую пещеру. Она была не круглая, а длинная, вытянутая, и секрета в этой пещере не было: в одном конце в неё входили ступеньки, в другом – выходили. Эли и Люси это сразу увидели, потому что новая пещера тоже светилась, даже посильней первой. Увидели, но не обрадовались. Видно, им так хотелось отдохнуть, что они просто мечтали сбросить рюкзаки, подумать, потереть волшебное зеркало – всё что угодно, лишь бы отдохнуть. Плечи под рюкзаками снова заныли, застонали так жалобно, что девчонки сжалились над ними, сбросили тяжесть с плеч и сразу – будто взлетели от маленького счастья. Им так легко вдруг сделалось, каждая косточка распрямлялась и радовалась, что на неё ничто больше не давит. Эли даже глаза закрыла от удовольствия, села на пол и привалилась к своему красно-зелёному рюкзаку. И Люси к своему привалилась, зажмурилась и, не раскрывая глаз, скрипнула молнией большого кармана – вытащила из него пакетик с яблоками и конфетами.

Глаза не хотели открываться, шевелиться было неохота. Подружки молчали, жевали потихоньку. Но через пару минут их глаза сами раскрылись и принялись разглядывать стенки и уголки, искали замурованное зеркало или ещё что-то чудесное. Но ничего интересного не заметили, стенки были просто шершавые, а тёмный

выход со ступеньками – он как бы сам говорил, что впереди ещё долгий путь.

– Слушай, дар, интересно. Эта лестница бесконечная или когда-нибудь кончится? Или нам придётся вечно спускаться? Может, она на другой край Земли ведет? – Люси задумчиво покусывала яблоко, чуть сползла с рюкзака, растянулась на полу пещеры.

– Кончится, – почему-то уверенно сказала Эли, – всё когда-нибудь кончается.

... СЛУШАЙ ... ДАР ... ИНТЕРЕСНО ... ЭТА ЛЕСТНИЦА ... КОНЧИТСЯ ... ДАР ...
... ИЛИ ... ПРИДЁТСЯ ... НА ДРУГОЙ КОНЕЦ ... КОГДА-НИБУДЬ ...
... СПУСКАТЬСЯ ... КОНЧАЕТСЯ ... СПУСКАТЬСЯ ...
... КОНЧАЕТСЯ ... СПУСКАТЬСЯ ... КОНЧАЕТСЯ ...

Слова, что только что негромко прозвучали, вдруг загремели со всех сторон – да так, что подружки не на шутку испугались. Было чего пугаться, на них просто град слов посыпался, целой грудой. И грохотали слова, будто их какой-то Змей Горыныч рычал или ещё кто побольше, какой-то бронтозавр простуженный. Люси так и застыла, лежа с куском яблока во рту, а Эли вскочила на ноги и конфету выронила, да вовремя подхватила.

– Ничего себе! Что это? – девчонки от страха даже головы пригнули и в плечи втянули, как черепашки, и перешли на тихий-тихий шёпот.

... ЧТО ЭТО? ... НИЧЕГО СЕБЕ ... ЧТО ЭТО? ... НИЧЕГО СЕБЕ ...
... ЧТО ... СЕБЕ ... ЧТО ... СЕБЕ ...
... СЕБЕ ... СЕБЕ ... СЕБЕ ...

На этот раз слов было не так много, но звучали они совсем не тихим шёпотом, а таким ревущим шёпотом, что уши от него совсем оглохли, и в глухоте ещё долго звенело и потрескивало. Девчонки ещё сильнее головы в плечи втянули – и страх стал больше, и уши

было жалко. Подруги их даже ладошками зажали, потрясли, подёргали, заморгали, затихли. Они озирались по сторонам и прислушивались: как бы на них новый грохот не свалился и совсем не придавил. Но в пещере стало тихо – так тихо, что когда Эли и Люси перестали бояться, они даже какой-то скрип услышали.

Эли нахмурила брови и посмотрела на подругу. Потом по привычке приставила указательный палец к губам, виску, стала водить им в воздухе. Она так всегда делала, когда о чём-то думала, когда надо было что-то сообразить. Эли словно картинку в воздухе рисовала, смотрела на картинку и понимала – что, зачем и почему.

Так она минутку водила в воздухе пальчиком, и вдруг её пальчик замер, а глаза моргнули пару раз. Эли выпрямилась, набралась духу и изо всех сил закричала: «Это что? Эхо?!!»

Очень быстро её слова вернулись и тихо подтвердили: «Это эхо, это эхо, это эхо...»

– Я поняла! – Люси догадалась, о чём Эли догадалась, и тоже заорала, как резаная, во всё горло. – Тут чем громче орёшь, тем тише возвращается это дурацкое эхо!!!

Девчонки прислушались и быстро получили тихий ответ: «Я поняла! Тут чем громче орёшь, тем тише возвращается это эхо...» Эхо помолчало немного и добавило обычным голосом: «И никакое я не дурацкое, сами вы дурацкие».

– Тогда и не пугай нас, а разговаривай нормально, – Люси по привычке фыркнула и чуть надула губы.

– А я не пугаю, я здесь тыщу лет такое. И меня ещё никто дурацким не обзывал, – Эхо тоже фыркнуло и тоже, казалось, поджало губы, но отвечало простым, негромким голосом.

– Ладно, Эхо, ты не обижайся на нас, – Эли всегда умела улаживать споры. – Ты лучше скажи, тут проходил великан, похожий на большую жабу?

– Проходил. Похожий. Жабу. – ответило Эхо и замолчало.

Девчонки немного послушали тишину.

– Ну, ты что? Ты отвечаешь или передразниваешь? – Люси всё ещё сердилась и не могла свою сердитость сдержать.

– Передразниваешь, – ответило Эхо Люсиным голосом, а потом добавило другим, своим. – Будешь так со мной разговаривать, вообще ничего не узнаешь!

Люси опять фыркнула и отвернулась с таким видом, будто ей нет никакого дела до этого противного Эха. И никогда не было! А Эхо тоже замолчало – так замолчало, чтобы всем стало ясно, что-ему-уж-точно никакого дела ни-до-кого-ни-до-чего-не-было-и-нет! Оно здесь уже тыщу лет такое.

Эли попыталась сказать словечко, чтобы помирить Люси и Эхо, но они не думали мириться, только обиженно сопели друг на друга.

– Очень надо, – Люси опять заворчала, – и без него разберемся! Тоже мне, драгоценность подземная. Тыщу лет оно такое. Подумаешь!

Эли ещё разок попыталась успокоить подругу, но Люси разозлилась не на шутку, взвалила рюкзак на спину и, не оглядываясь, пошла к продолжению лестницы.

– И без него ясно, куда дальше идти, сами справимся! Фф-rrrrrr...

– Ну-ну, справляйтесь, – ответило Эхо и тоже фыркнуло.

– Справимся, справимся! – Люси успела спуститься на пару ступенек, но снова поднялась и язык высунула, чтоб подразнить.

– Давайте! Справляйтесь! Я ещё погляжу, какой ты язык высунешь, сама себе покажешь!

Эли только руками всплеснула от этой ссоры, но ничего поделать не могла. И она вздохнула грустно, закинула на плечи свой рюкзак и отправилась вслед за Люси.

XI

Эли и Люси отправились обратно – туда, где странная лестница тремя ветками разошлась. Они знали, что ждёт их на обратном пути: сначала надо будет забраться на маленькую горку, а потом пройти по не очень длинной, но жутко скользкой трубе. Когда девчонки шли по ней в первый раз, она им такой показалась – жутко скользкой. Но сейчас они на гладкую горку взобрались без особого труда, и по трубе пошли почти как по ровной дороге – как будто труба перестала вредничать, будто поняла, что подруги уже не будут с ней бороться.

– Ну что, теперь направо попробуем? – девчонки легко добрались до развилки, и настроение у Люси заметно улучшилось.

– Давай направо, – согласилась Эли, – всё равно придется туда пойти, если прямо не получится.

Эли говорила, чуть улыбалась – не было повода волноваться. Но почему-то на душе у неё было не очень спокойно, словно что-то тяжёлое на душу положили, а что-то непонятное скребло изнутри, будто спрашивало чуть слышным голосом: «Что, *дарагая?* Думаешь, на правой дороге будет всё хорошо, да?» Эли не знала, что можно ответить этому голосу, но пугаться сильно не стала. Секунду подумала и решила, что не стоит доверять всяким голосам. Может, они верно подсказывают, а может так – попусту пугают. Никто этого не знает! И потому Эли отбросила лишние мысли и отправилась вслед за Люси, которая больше любила делать, чем раздумывать, и уже ловко шагала по ступенькам, что вели направо.

Девчонки быстро проскочили ровный кусочек лестницы, забрались наверх. А дальше и догадываться особенно не пришлось – ступеньки кончились и перешли в подземный ход с гладкими стенками, правда не такой скользкий. Эли и Люси думали, что впереди их ждёт маленькая горка, но как подземный ход

расширился, глаза у девчонок тоже расширились и в разные стороны разошлись.

Подруги снова оказались в небольшой пещере, совершенно круглой, с гладким полом. И в ней, как четыре огромные норы, темнели четыре подземных хода. Из одного подруги вышли, это был знакомый ход. А остальные три были совсем незнакомые. И какой из них выбрать? По какой дороге дальше пойти? Это было совсем непонятно.

– Ох, да-ар!

Девчонки еле слышно выдохнули «Ох, да-ар!» одинаковым шёпотом. Они так расстроились, что сразу лишились сил, и на гладкий пол опустились, не заметили как. Если раньше, в противной трубе было тяжело карабкаться, но хоть понятно куда. То теперь куда? Что, опять? Все пути по очереди пробовать? Мысли у подруг заметались, зашептались, но одна из них громче других шептала: «Не найдете вы здесь верной дороги. Поворачивать надо, поворачивать, пока не поздно. Иначе худо будет. Поворачивать надо...»

А потом эта мысль уже не тихо – громко заверещала. И от этого девчонкам захотелось обратно побежать. Да не просто побежать, не просто обратно, а совсем обратно: по длинной-долгой лестнице наверх, наверх, в родной спокойный кофик, в родной чудесный Птибудошт, где никогда ничего плохого не было, не случилось, и только однажды появился дурацкий грубиян-великан и всё испортил...

В эту секунду девчонки вспомнили про великана, как он разломал, как он разбил, нагрубил, наругался. Как он красавицу тащил своей огромной лапой. Девчонки всё вспомнили и сразу встрепенулись. И вскочили на ноги, все подземные страхи забыли, будто и не было никаких страхов.

– Нет уж, фигушки ему!

– С маслом!

– Рано ему радоваться!

- Будто нас запугать!
- Это сам он пускай!
- Нас боится!
- Подумаешь, тоже мне чудо-юдо великанское!
- Будто мы дорогу не найдем!

Тут Эли замолчала и подняла вверх палец, а сама нахмурилась. Видно было, как она вспоминает что-то, вспоминает...

– Да! Вспомнила, дар. Путешественники, когда попадают в лабиринт, они мелом отмечают проход, откуда пришли. Тогда заблудиться невозможно!

Эли даже улыбнулась, видно, ей приятно было – не зря она столько книг прочитала. Правда, у неё не было мела, но зато был красный фломастер. И чёрный, и синий, и зелёный – четыре толстых фломастера в одной упаковке. Эли достала два и, вздёрнув голову, пометила проход двумя красными крестиками, тот проход, из которого они вышли. Только на гладкой стенке, будто сделанной из мутного стекла, фломастеры плохо рисовали. Стенка здесь была не только гладкая, но и чуть влажная. И фломастеры оставляли еле видные следы, но всё равно красные крестики можно было разглядеть. Эли ещё немного подумала и нарисовала вокруг крестиков круг – зелёный – чтобы их лучше было видно. Потом посветила фонариком справа, слева, убедилась, что крестики заметны и, довольная, направилась к другой стене, где подземный ход казался побольше остальных.

– Дар, мы по средней дороге пойдём, ладно? Может, так быстрее куда-нибудь доберемся. А нет – тогда другие попробуем.

Люси кивнула и, пока Эли ставила перед входом один зелёный крестик, первая юркнула в средний ход и весело по нему зашагала. В этой подземной трубе по гладкому полу было идти совсем несложно, даже когда она чуть задиралась вверх или вниз опускалась. Совсем несложно... но тут!

Гладкий пол вывел подружек в ещё одну пещеру. И в ней снова оказалось три новых хода. Но теперь девчонки не стали

расстраиваться, огорчаться. И медлить тоже на стали – просто отметили двойным красным крестиком ход, откуда пришли, и опять выбрали среднюю дорогу, и поставили у входа новый зелёный крестик.

И снова зашагали, фонариками весело разгоняли подземную темноту. Весело-весело! Весело... хотя следующая комната их снова озадачила. В ней появились уже не три новых хода, а целых пять. Подруги задумались, но опять ненадолго – снова выбрали среднюю дорогу. Но следующая комната открыла им сразу шесть новых ходов. Это было не по правилам, потому что среднюю дорогу из шести выбрать никак не получалось. Но Эли и Люси так славно шагали, что и сейчас постояли секунду и пошли в тот ход, что просто казался побольше других. Ничего страшного, что ходов много: если пометать их крестами, тогда не заблудишься! На душе у них снова стало хорошо. Если понятно, что делать и как делать, всё кажется не таким и сложным. Главное – идти, не печалиться, а дорога уж точно куда-нибудь приведёт.

Так подруги шли вперёд, и шли, и шли, и шли. И откуда только взялась смелость? И куда девалась осторожность? Почему дорога казалась им правильной? Дорога в бесконечных проходах, которым счёт давно потерялся. Ну и что, что потерялся? Главное правильно ставить крестики. А потом можно храбро шагать, ничего не бояться. И шагать будет легко... но тут...

– Стой, дар! – Эли и Люси разом остановились и одним движением друг друга одёрнули.

Одёрнули, потому что фонарики у них заморгали, и вместо острых лучиков от них какой-то тусклый свет пошёл. Теперь это даже не фонарики были, а круглые окошки, где чуть теплились маленькие лампочки. Девчонки ойкнули и от испуга прислонились к круглой стене.

– Стой, дар, стой.

Эли это каким-то чужим голосом прошептала. Правда, она хотела показать, что ей не очень страшно, но получилось у неё так себе, не

очень – голос был негромкий, и слышно было, как он дрожит, явно не от радости. Эли обвела языком сухие губы, помолчала и таким же чужим голосом добавила: «Дар, ты пока выключи пока свой фонарик, да? Он, наверное, скоро сил наберётся и ещё посветит, да?»

Люси хотела что-то ответить бесстрашным голосом, но только пискнула, а ответить не смогла. Фонарик выключила и губу закусил. Теперь ей всё не обидным казалось, а таким – страшным. Наконец, она заговорила, тоже не своим голосом.

– Вот, дар. Этот путь мы тоже, да? Проверили, да? Теперь бы выбраться отсюда. Да?

Эли кивнула и выключила свой фонарик. Полная темнота окружила девчонок, а Эли вдруг поняла, что с такими тусклыми фонариками они каждый крестик два часа будут искать. И ещё хорошо, если увидят, что это зелёный крестик, а не красный. Они и так были еле заметные, эти крестики, даже когда фонарики ярко светили. А если они вообще перестанут светить?

Тут Эли ещё раз поняла, насколько всё нехорошо. И Люси это поняла. И девчонкам стало так страшно, что они ещё раз прижались к круглой стенке и медленно по ней съехали – на пол, будто ноги их не держали. Подруги сползли по стенке и сидели в полной темноте, долго сидели, долго-долго. Может, ждали, что фонарики сил наберутся или ещё что-то хорошее случится?

Но ничего не случилось, подземная темнота светлее не стала. И тогда девчонки перевернулись и на четвереньках поползли назад, очень осторожно, к последней пещере – страшно было в полной темноте двигаться. Сколько времени прошло, пока они добрались до круглой пещеры, сложно сказать. Может, полчаса, может, целый час. Но они добрались до круглой пещеры и там увидели...

Ничего они там не увидели! Темно там было! И только память рисовала, что со всех сторон на них смотрят совершенно одинаковые подземные трубы. Кажется, в последний раз их девять

было или десять. Господи, как много! И где крестики искать? Ой, беда!

Эли щёлкнула своим фонариком и Люси щёлкнула своим. Но фонарики никакой силы не накопили, только заморгали жалобно, вот-вот погаснут. И девчонки тоже заморгали, они не просто испугались, им сейчас всё казалось таким ужасным, что даже руки-ноги похолодели, может, даже инеем покрылись. Эли посмотрела, как фонарик дрожит в её руке... и выключила. И Люси свой выключила. И полная темнота, которой и раньше было много, теперь совсем подружек обволокла, густой-густой стала, казалось, её потрогать можно.

– Дар, и чего ж нам теперь делать? – голос у Люси был такой, будто она умерла. И не один раз, а два раза.

... ДАР ... ДАР ... И ЧЕГО Ж ... И ЧЕГО Ж ...
... НАМ ... ТЕПЕРЬ ... ДЕЛАТЬ ...

Люсин голос вдруг повторился. Только зазвучал он ещё жалобнее, чем только что. Девчонки по привычке посмотрели друг на друга, но ничего не увидели, темнота вокруг была – хоть глаз выколи.

... ДАР ... ДАР ... И ЧЕГО Ж ... И ЧЕГО Ж ...
... НАМ ... ТЕПЕРЬ ... ДЕЛАТЬ ...

Тот же голос вкрадчиво повторил слова, но на этот раз он меньше походил на Люсин.

– Это ты? – замирающими губами прошептали девчонки.

– Это я! – весело ответил голос и добавил. – Ну что, дошли, куда хотели? А ведь кто-то предупреждал, что худо придется. Только кто-то на эти слова вот такой язык высунул.

Люси и Эли ничего не смогли ответить, как воды в рот набрали. Да и что тут ответишь? И молчание помолчало, и превратилось в такую

тишину, что в ней только и слышно было, как сердечки у девчонок стучат – как два больших будильника, что вот-вот зазвенят, последние секундочки отсчитывают. Подруги слушали свои сердечки, а заговорить не решились – страшно было, что Эхо подразнит и совсем уйдет.

– Ну что, так и будем сидеть в темноте? Смотрите, мне-то спешить некуда, я тут уж тыщу лет живу.

– Это ты, Эхо? – Эли даже не поняла, зачем она это говорит. Или не говорит, а беззвучно губами шепчет.

– Да я это, я! Кто ещё с вами возиться будет? – Эхо всё время дразнилось, видно, у него такая привычка тыщу лет была.

– Ну ты, того, извини нас, пожалуйста.

Эхо помолчало, будто ему всё равно. Но всё-таки чувствовалось – приятно ему, что девчонки извиняются.

– Очень надо на вас обижаться, тоже мне...

Да, теперь слышно было, что Эхо довольно, в его голосе меньше стало маленьких дразнилок.

– Да ты всё равно прости.

Сейчас девчонки и не думали веселиться, но их слова хором зазвучали.

– Да простило уже, простило. Хватит нюни разводишь, – голос у Эха стал обычным. – Так что-о вы теперь делать будете?

– Да не знаем мы.

– Может, подсказать? Или сами выберетесь?

Люси и Эли опять ничего вымолвить не смогли.

– Ну, ладно, как хотите. Я тогда по своим делам пойду.

Девчонки послушали тишину, и вдруг заорали вслед уходящему Эху:

– Стой, Эхо! Не уходи! Как нам отсюда выбраться???!!!

Их крик отозвался тихим эхом, совсем другим, а старое Эхо словно остановилось и обернулось:

– Ну чего вы орете так? Чего? У меня аж уши заложило!

В его голосе снова послышались знакомые дразнилки.

А подружки обрадовались, ужасно обрадовались, что Эхо их не бросило. Люси даже забыла про недавние страхи и заворчала:

– Ну ты чего, опять дразниться будешь?

Тут Эли пихнула подругу локтем в бок, сильно пихнула, а Эхо крякнуло и обиженно засопело.

– Эх! Ну, не будь я такое доброе, так и бросило б вас здесь. Вот бы покуковали! Ох, да ладно, от доброты от своей никуда не денешься. Не хочу, а придётся. Подскажу, а то ещё разревётесь со страху.

Люси надула щеки, чтобы ответить, но Эли снова её в бок пихнула, так сильно, что Люси закашлялась.

– Эхо, ты это, ты не сердись на нас. Скажи просто, как нам отсюда выбраться. Или выведи нас отсюда, – пока Люси кашляла, Эли всё это быстро проговорила.

– Вот ещё, выводить я вас буду. Сами выберетесь.

– Как же мы выберемся? – Эли больше не стала пихаться, а сильно сжала Люсину руку.

– Как пришли, так и выберетесь.

Эхо помолчало немного, послушало, как девчонки испуганно сопят, и добавило:

– Тут в двух шагах ваш старый знакомый лежит, он-то и выведет.

Слова эти прозвучали и затихли. Подружки прислушались, ждали, что Эхо ещё что-нибудь добавит, но ничего не дождалось. Видно, Эхо сказало слова и совсем ушло. А молчание и тишина с темнотой снова сгустились. Наконец подружки перестали ждать и кое-как начали шевелиться. Эли щёлкнула фонариком, он засветился, слабо засветился, но темноту чуть разогнал. Девчонки повертели головами и увидели...

Часть вторая

I

Да, плюхнулись. В очень красивое озеро. Вернее, не так: когда в озеро плюхаются, раздаёт громкое «плюх», а девчонки так долго падали, так закружились, завертелись, что просто жужжащими шариками в воду вошли. Вот и не вышло никакого «плюх», а только «вжжжж», «пшшшш» и мелкие брызги. Но Люси и Эли этого не слышали и не видели, они ушли под воду и уже там продолжали медленно кружиться, перекручиваться. Глаза их ещё больше стали, хотя, казалось, куда больше? А перед огромными глазами белыми стайками проносились пузырьки – это воздух вырывался из рюкзаков и одежды.

А потом Эли и Люси перестали кружиться, просто медленно уходили на глубину, опускались всё глубже. Глубже и медленнее, пока не уселись на самое дно. Крик их давно оборвался, все пузырьки улетели наверх, а девчонки всё еще не понимали, вообще не понимали – где они? Где они? Глаза у них стали обычными, не огромными, но в глазах и перед глазами всё продолжало мелькать и крутиться. Слишком много и быстро случилось-нахлынуло: бешеная гонка в подземелье, сумасшедшее кувыркание в воздухе и, наконец, целое море пузырьков, целое озеро не очень холодной воды.

Всё большой чехардой скакало в глазах и перед глазами. Но прошли какие-то длинные, не короткие секундочки, и чехарда с картинками поостыла – вода в красивом озере была не холодная, но и не тёплая. А потом и вовсе растворилась чехарда.

Эли и Люси удивленно посмотрели вокруг, перед собой. И ещё больше удивились. Рядом с ними преспокойно лежал их старый знакомый – кудлатый шерстяной клубок. И вид у него был довольный-довольный, как у смайлика. Словно он сделал всё – довёл девчонок, куда надо. Подруги на него уставились, рассмотрели хорошенько, и только в этот миг начали что-то соображать.

Потом они посмотрели наверх и увидели, что высоко над ними искрятся солнечные лучи, весело сверкают, но очень высоко. И тогда им стало ясно, что сидят они под водой, на большой глубине. Что на ногах у них тяжёлые-тяжёлые ролики, а на груди – жутко тяжёлые рюкзаки. И ещё они вспомнили, что Люси почти не умеет плавать, а Эли – вообще никогда не умела. И от этого им сделалось не по себе, очень не по себе, и снова захотелось кричать, да под водой не очень-то покричишь.

И потому девчонки только вытянули губы, как рыбки, которым дышать хочется, да нечем дышать, и ещё раз выпучили друг на друга ужасные глаза. Да так подпрыгнули, что оторвались от песочка и стали тянуться наверх, туда, где солнышко играло золотыми лучами. Руки у них сами собой подтягивались и опускались, а ноги, хоть и мешали им тяжёлые коньки, всё отталкивались, отталкивались, будто от воды можно оттолкнуться. Но, видно, всё можно, когда дышать хочется. И солнышко приближалось, приближалось, приближалось, пока не раскрылась вода, и не вырвались подружки на свет и свежий воздух.

Вырвались! На одну секунду! Успели схватить немного воздуха и снова ушли под воду – тяжёлые ролики с рюкзаками их обратно потащили. И тогда начались новая чехарда, всё снова запрыгало вверх и вниз, вправо и влево. Руки мелькали, ноги мелькали, брызги летели. Так летели, будто кто-то большую акулу поймал за хвост...

Господи! Какая акула? Не до неё сейчас было девчонкам! Они, конечно, любили фантазировать и выдумывали самые невероятные вещи. Например, что однажды на главной площади Птибудошта вырастет баобаб, на котором будут расти французские батоны, а на батонах будут расти круассаны, а на круассанах – канапешки, а на них – монпансье. И так до бесконечности, подружки просто остановиться не могли, одну выдумку меняли на другую, совсем чудную, почти в космос улетали, пока на Земле что-то не случилось. Ну, например, торт у них начинал подгорать или в кофике кто-то просил чашку кофе принести или лимонада бокал.

Но сейчас подругам было не до фантазий и не до смеха – глаза у них только и успевали закрываться от тысячи летящих водоворотиков, снова открывались, и опять их вода заливала, не давала смотреть, как миллионы капелек сверкают, как маленькие радуги в капельках светятся.

И кто знает, что было бы дальше? Только рядом с новой чехардой проплывала по красивому озеру длинная-предлинная труба, кажется, резиновая. И когда девчонки совсем выбились из сил, уже не знали, что их на воде держит, как они ко дну не пошли, длинная труба прямо к ним в руки приплыла или попалась прямо под руки. Девчонки, конечно, не могли её разглядеть, они лупили по воде – руками, ногами, колотили, чем попало. Но как почувствовали, что по чему-то твёрдому бьют, сразу за это твёрдое схватились. Скользнули по мокрой резине. И ещё крепче схватились, и ещё раз покрепче ухватились. И только тогда – ф-уххх!!! – только тогда чехарда как-то сама улеглась, успокоилась. И девчонки отдышались, успокоились. Помолчали немного, даже поболтали где-то внизу тяжёлыми роликами.

– Ф-уххх! Дааар! – серьёзно, как усталый дельфин, выдохнула Эли. – Это самый приключенистый день. Во всей моей жизни.

– Ага, – Люси кивнула в ответ. – И в моей тоже самый приключенистый. Только, нам ещё! Только нам ещё до берега надо добраться. И вот, краска наша потекла. Этого ещё не хватало!

Люси недовольно сморщила нос, будто только что не было жуткой борьбы со спокойной водой, и показала на зелёное пятно, что медленно расплывалось от рюкзаков, которые перестали быть зелёными, опять превратились в жёлтый и красный. Или почти превратились, зелёное облако расплывалось от них в прозрачной воде.

На самом деле, ничего страшного в том облаке не было. Это была простая краска-гуашь, но маленькие рыбки от любопытства подплывали к ней, пугались и улепётывали подальше, на всякий случай. Подруги стали смотреть на забавных рыбёшек, как вдруг –

опять вдруг! – раздался такой звук, что им снова сделалось не по себе.

– Ап-п-п-п-чхи!!! – кто-то рядом так громко чихнул, что даже труба под руками вздрогнула, а рыбёшки бросились бежать врассыпную. Ну, не бежать, а плыть, конечно, но быстро бросились, в разные стороны.

– Я бы сказала «будь здорова», только, кажется, это не ты чихала.

Девчонки от испуга снова заговорили хором. Они ещё хотели что-то сказать, но раздумали и прислушались. А вокруг было тихо, только маленькие волны шелестели. Но тут громкий чих повторился и снова всё заколыхал. А совсем рядом замигали два огонька, похожие на две буквы «V», только одна лежала на правом боку, а другая – на левом.

– Господи, дар! Что это такое? – девочки ещё больше испугались. – Тебе не кажется, что труба наша живая?

– Кажется! – ответила живая труба насмешливым, чуть хриплым голосом, а две букочки опять зажглись и как бы зажмурились, моргнули сначала левой, а потом правой буквой.

Эли и Люси от этого просто дар речи потеряли, посмотрели на две букочки, как испуганные кролики, и подумали, что надо тихохонечко отползать от непонятно живой трубы и вслед за рыбками плыть-бежать без оглядки. Они даже отпустили трубу, на половину секундочки, но тяжёлые ролики их снова потянули вниз, напомнили про глубокую воду и песочек на дне. А ещё напомнили, что рыбки – они в воде как дома живут. А Эли и Люси здесь совсем не дома. И деваться им некуда, без трубы они точно утонут.

Ох! Девчонки это поняли и решили дар речи найти.

– Простите, Уважаемая Труба, это вы сейчас чихали и говорили «кажется»? – очень вежливым шёпотом спросила Эли.

– Сами вы Уважаемая Труба, – ответила Труба каким-то неповторимо хриплым и насмешливым тоном.

– Вы нас простите, мы вообще-то не местные, то есть мы здесь впервые. И даже не знаем, как вас получше называть.

– Хм. Можете не извиняться так часто, и не надо меня называть получше.

Труба продолжала насмешничать. И тут же, подняв голову, поднесла её к личикам девочек, так что каждой досталось по буковке «V». Эти две буквы, каждая на своем боку, оказались лукавыми и серыми глазами Трубы. Или не трубы? Непонятно чего-кого.

Да, всё было непонятно и странно, необычно. Но серые глаза Непонятно Кого почему-то не казались страшными, испуг сам собой прошел, а в воздухе мелькнула знакомая тишина, не очень полная, и застыла на пару минут – девчонки просто не знали, что ещё можно сказать.

Они молча держались за Трубу, руками её перехватывали, перехватывали, пока не услышали ещё один странный звук. Точно! Теперь не только волны шелестели, но и какой-то отчетливый стук стучал, будто маленький розовый кролик часто-часто бил в маленький барабан, бил-бил-бил. Девчонки ещё раз удивленно посмотрели друг на друга и только теперь поняли, что они замерзли в не очень холодной воде! Так з-з-амерзли, что кроме холода уже нн-ничего не чувствуют, только зз-зубами всю стучат-постукивают.

– П-послушайте. У-у-важаемая, – начала дрожащая Эли.

– Хм. Скорее, уважаемый! – растягивая и обрывая хриплые звуки, поправил ее странный Непонятно Кто.

– Х-х-орошо. У-у-важаемый. В-вы и-зз-вините нас. А вы как бы ккто?

– Я как бы удав! – короткий ответ сейчас не казался насмешливым, он казался шипящим. – А если точнее, Удав Вэ. Рад с вами познакомиться.

Тут Удав Вэ вежливо наклонил голову, а его лукавые глаза засветились и засмеялись, и в них, казалось, читаются целые слова, а не две буквы, только в холоде сложно разобрать, что это за слова. И вообще, сейчас девчонки мало что понимали, холод у них последние силы отобрал.

– Ха-ха-рошо! У-у-дав-вэ-ээ. Мы-во-об-ще-то по-ня-ли, как-вас-зоо-вут. А нас-зз-оо-вут. Вот это мм-ая ппп-дру-га Лю-си. Ааа яая её ппп-дру-га Эээ-ли. И есс-ли вы бб-уде-те так дд-оо-бры, мм-оо-жет, вам не сс-оо-ста-вит! Осс-об-оого труу-да! Сс-дее-лать так! Сс-лоо-вом! Чч-тоо-бы мм-ыы очч-ути-лисссс! На бе-бе-бе-ерегу!

Все это Эли простучала зубами, Люси ей помогала, как могла, но у неё получалась плохо – какая-то неразборчивая стукотня из отдельных звуков, местами забавная. Впрочем, девчонки ничего забавного сейчас не слышали, они просто дрожали – каждая всем телом – и запинались на каждом слове под насмешливым и о-очень внимательным взглядом Удава. Только маленьким подругам сейчас было всё равно – смеётся над ними Удав или не смеётся. Они уже не дрожали от холода и зубами постукивали, они просто дикой тряской тряслись, исполняли какой-то концерт для зубов без оркестра, престо-престиссимо.

– Замечательный стук вы издаете, – Удав Вэ перестал разглядывать дрожащих подруг. – Насколько я понял, вы замерзли, просто окоченели, совершенно не умеете плавать и очень хотите выбраться из воды.

– В-всё пп-раа-виль-нно! – хором простучали Эли и Люси. – Ууу-дав-чик Вэ-ээ, миии-лень-кий, ты бы нас, кккк-как бы нас отвези! Ннн-ас!

– Да, бывает, бывает. Когда тебя мучает холод. Или голод. Бывает. Не до лишней болтовни, – Удав чуть отвернулся, мудро потягивая хриплые слова.

– Ммм-иленький, Ууу-давчик! Ты о-отвези н-нас! Ты паатом всё ссс-кажешь! Ттт-ы ттт-олько...

– Иногда даже маленькие девочки замечают. Что давно движутся к берегу. И что даже удавы. Кое-что соображают, – тем же мудрым потягиванием отвечал их новый знакомый, плавно извиваясь своим очень большим, очень длинным телом.

Девчонки уже не чувствовали холода, они вообще ничего не чувствовали. Но удавы плавают быстро, и очень скоро все трое

выползли на берег. Для Удава Вэ это было обычное дело – удавы ползают. А бедные Эли и Люси так измучились, что еле-еле выбрались из воды и без сил рухнули на мокрый песок.

III

Подруги с удивлением увидели, как красное солнышко медленно уходит в воду, словно решило отправиться спать на глубину, на белый песочек на дне озера. Глаза у подруг застыли, потом оттаяли и быстро-быстро заморгали.

– Господи, когда же столько времени прошло? – они ещё пару раз моргнули вслед уходящему солнышку и уставились на Удава.

– Когда прошло – тогда прошло, обратно не вернется. Так что про обед можете забыть. Но на ужин успеете, если, конечно, не будете два часа стоять и смотреть непонятно куда.

Удав чуть прикрыл свои лукавые серые глаза, он так ловко играл своим буквами «V», то расширял их, то сужал, что казалось, глаза у него совершенно не змеиные, а... чуть не человеческие. Они могли округляться в удивлении, и щуриться загадочно, сверкать озорными искрами. Могли. Но сейчас Эли и Люси этого на замечали. Они услышали слова Удава, задумались и сразу раздумались. И даже потёрли руки, что всегда делали перед бойкой работой. Теперь, когда ушли дрожащие страдания, маленькие хозяйки так быстро стали выкладывать всё-всё из рюкзаков, что Удав даже голову наклонил, залюбовался. Может, подруги и не были опытными путешественницами, но хозяйками они были превосходными. Всё-всё в рюкзаках, еда, вещи были аккуратно завернуты в пластиковые пакеты и ни капельки не пострадали от воды. Так что теперь оставалось смыть песок, переодеться, выстирать рюкзаки и джинсы с курточками.

Всё это для маленьких хозяек была пара пустяков. И не успели погаснуть последние лучи солнышка, как мокрая одежда развесилась на верёвках, а Люси и Эли разложили на земле скатерть-клеёнку и на ней стали раскладывать ужин. Удав за это время натаскал большую кучу хвороста и, пока девчонки готовили еду, умудрился каким-то неведомым способом хворост поджечь. В

сумерках мягко зашевелились огоньки костра, и вся компания уютно расселась. То есть девчонки расселись на одеялах, а Удав – он просто свернул из своих колец что-то похожее на корзину, и над ней держал длинную шею, голову и чуть заметную, очень внимательную улыбку.

Он держался в корзине почти недвижно, только ловким хвостом брал по очереди конфеты, пирожные, крендельки и внимательно их рассматривал, словно много лет не ел ничего такого. Много лет не ел, не видел, а может, вообще никогда конфет и пирожных не пробовал, не знал, какие они на вкус. Он поднимал сладости ближе к глазам, рассматривал со всех сторон. А потом опять опускал на скатерть, как бы нехотя, и вдруг – в один миг их подбрасывал и неслышно втягивал воздух. И пирожные с конфетами исчезали, будто и не было их никогда.

А Люси и Эли сначала набросились на еду, хватая всё подряд без разбору, как голодные звери – словно дико голодные тигры в них проснулись. Но тигры быстро насытились и пошли спать, наверное. Тогда девчонки спокойно отвалились на одеяла и смотрели, как Удав играет с оставшимися конфетами. И сами что-то лениво жевали.

Сумерки сменились непроглядной мглой, от озера подуло холодком. Подруги завернулись в тёплые одеяла и тихонько выглядывали из них, как из коконов. Смотрели на огонь, на который люди и звери могут смотреть бесконечно, бесконечно разглядывая его узор, что никогда не повторяется и никогда не теряет красоты. Каждый звук превращался в ночной звук, такой же волшебный, как лёгкое пламя костра. Никому не хотелось говорить, новые друзья редко отводили взгляд от пламени, встречались глазами. И казалось, нет на свете ничего важного, чтобы прервать тишину.

А потом костёр перестал гореть ярко, и в сильно сгустившейся темноте только алели и потрескивали горячие угли, иногда вспыхивая, освещая лица. Девчонки ещё уютнее завернулись в одеяла и время от времени устало прикрывали глаза. Эли уже

совсем собиралась заснуть, но вдруг вспомнила, что давно хотела спросить:

– Скажи, Удав! А почему тебя зовут Удав Вэ, а не просто – Удав?

После долгого молчания её слова – «Скажи, Удав!» – прозвучали как-то странно, даже торжественно, но Удав почему-то не стал насмешничать.

– Почему так? – его голос стал рассеянным, девчонки такого раньше не слышали. Или не рассеянным, но посторонним, словно Удав был не здесь, а где-то далеко-далеко. Словно что-то вспоминал, какую-то историю, и пока не знал – рассказать её девчонкам или не рассказывать?

– Почему так? – Удав повторил те же слова. – Когда-то у меня было имя. Давно, в прошлой жизни. Те времена прошли, обратно не вернутся. И я оставил от имени только одну букву – «эл». Сначала мои друзья, что живут здесь, так и звали меня – Удав Эл. А потом стали проговаривать имя быстро, в одно слово – «удавэл». А потом стали проглатывать последнюю букву и получилось «Удав Вэ». Смешные у меня друзья, такие невнимательные порой, вечно всё путают. Но я не стал их поправлять, мне уж было всё равно.

Удав затих. Девчонки послушали тишину, что повисла в воздухе после его слов. Ничего особенного они не услышали, только маленькие волны шелестели у берега. Ничего не услышали, но зато почувствовали, как их дрёма уходит, спать вдруг расхотелось.

– Ничего себе! – выпалила Люси. – Ничего себе! И ты всё время молчал, ничего нам не рассказывал? А что это за прошлая жизнь? Это когда тебя звали на «эл»? А как тебя звали? И что тогда было? Всё было не так, да? А кто твои друзья здесь? А если есть здесь, значит, были и там? А там – это где?

Удав посмотрел на Люси с нежностью, и в его глазах опять блеснули лукавые искры.

– Вовремя ты проснулась, *дарагая*. Всем уже спать пора, а ты меня на ночь вопросами закидала. Нет, подруги, – Удав погасил искорки в

глазах и зевнул, вежливо прикрыв рот кончиком хвоста, – сейчас будет бай-бай. А все вопросы – на завтра.

Он положил голову на корзину и сомкнул свои буковки «V».

А Люси, напротив, высунула голову из своей корзины, с очень недовольным лицом.

– Уда-ав! – она потянула звуки настойчиво и почти громко. – Уда-ав! – Люси наполовину вылезла из своего кокона и потянула руку к спящему удаву. Может он не успел заснуть, только глаза закрыл?

Эли сделала подруге страшные глаза – мол, невежливо будить человека, когда он спать собрался. То есть удава не надо будить – невежливо это. Но Люси её страшных глаз не видела. Она так хотела получить хотя бы один ответ на свои сто вопросов, что вообще ничего не видела. Только до Удава хотела дотянуться.

И дотянулась, конечно.

– Уда-ав!

– Ну что ты не спишь? – недовольно отозвался Удав.

– А ты раньше был удавом? Ну тогда, когда тебя звали на «эл»?

– Раньше я был медведем. Всё, давай спи!

Люси снова уселась в свой кокон и задумалась. Думала она долго – целую минуту. А потом снова потянулась к Удаву.

– Уда-ав! А ты каким медведем раньше был? Бурым или черным?

– Серо-буро-малиновым, – Удав бормотал, не просыпаясь.

Люси не поняла, шутит он или не шутит? Но решила ещё чуть-чуть подумать. Никаких серо-буро-малиновых медведей не бывает. Это она точно знала. Правда, она и чёрных медведей никогда не видела, в зоопарке Птибудошта были только бурые – одна семья, которую все звали «Три Медведя», как в сказке. Но чёрных она видела в книжках на картинках. И белых тоже видела. И сразу вспомнила много медвежьих картинок из «Жизни животных», красивой большой книжки, которую девчонкам подарили на их десятилетие. Сам мэр Птибудошта им «Жизнь животных» подарил. Мэр тогда был очень нарядный: он надел тёмно-фиолетовый фрак с блёстками, а на голову – тёмно-фиолетовый цилиндр. Цилиндр тоже был с

блётками, из-под него смешно выбивались редкие седые кудряшки на голове мэра. И галстук-бабочка у него был тёмно-фиолетовый, а манишка – почти белая, с фиолетовым отливом. На площади тогда собралась большая толпа, все хотели поздравить своих любимых девочек, ведь Эли и Люси были родными для всех в городе. И духовой оркестр играл весёлые польки и вальсы: «Раз-два-раз-два! Раз-два-три!» И капельмейстер Гаусс красиво жонглировал длинной палкой, перевитой тесьмой. Эли ей говорила, как эта палка называется. То ли турумбурум, то ли турумбарумба. Эли, она такая умная, она, наверное, тысячу книжек прочитала. Тулумбарум... Как она называется? Как же...

– Это не палка. Это тамбуршток. Или просто бу-ла-ва.

Удав это тихо пробормотал, сквозь сон. И Люси сначала не поняла, что он там бормочет. А когда поняла, её словно током ударило. Она так и подскочила, выпрыгнула из своего одеяла. И секунду-другую стояла, как током ударенная, не знала, что делать. А потом очень решительно потянула Удава за хвост.

– Ну что тебе, что? – Удав недовольно щурил глаза-буковки, Люси его разбудила.

– Ну знаешь, это уже слишком!

– Что это слишком?

– Мысли мои подслушивать, вот что слишком!

– Ничего я не подслушивал, я спал. И тебе пора спать.

Удав снова закрыл глаза, а Люси замолкла, снова стала думать. Может, она не заметила, как вслух заговорила? Тогда, действительно, Удав не подслушивал, а просто слышал. Сейчас она и вспомнить точно не могла, говорила вслух или нет?

Люси посмотрела на спящего Удава, на Эли, которая тоже успела уснуть и во сне смешно шевелила губами, словно кому-то что-то рассказывала. Ну как она может спать, когда они ещё ничего не узнали? А Удав – тоже хорош! Ничего не сказал, только дурацкую шуточку сочинил про серо-буро-малинового медведя. Не бывает

таких медведей, не было таких в книжке «Жизнь животных», а там про всех зверей написано!

– Не про всех!

– Ты что, опять подслушиваешь?

– Нет, не подслушиваю. Это ты всем спать не даешь! Сама себя не слышишь.

Удав не просыпался, бормотал во сне. А Люси теперь не чувствовала, будто её током ударили. Она точно слышала: Удав во сне говорил или бормотал. Она была точно уверена: сейчас она вслух ничего не сказала, только думала. И будь у неё сил побольше, если б ей так не хотелось спать! Она бы снова этого удава за хвост, за хвост! Но сейчас, ей сейчас безумно хотелось спать. У неё уже не было сил дергать Удава и выяснять, подслушивал он её мысли или просто слова слышал? Не было сил, но так хотелось хоть что-то узнать. Люси сделала движение, словно собиралась дотянуться до Удава. Но движение её закончилось, не успев начаться. Люси тоже провалилась в сон.

IV

Она провалилась в сон, но всё продолжала думать – обо всём, что сегодня случилось. Но думала недолго, её мысли превратились в сновидение, а голова совсем опустилась на край одеяла. И уже через минуту Люси ровно сопела, с интересом рассматривала, как они с Эли бестолково ходили по своему кофику, не зная, что делать, как спасти несчастную пленницу? А потом они спускались по бесконечной лестнице, боролись со скользкой трубой, шагали за кудлатым клубком и ругались с дурацким Эхом. Иногда Люси дёргалась, когда видела что-то неожиданное или страшное. Но потом она досмотрела первый сон и стала смотреть второй, спокойный, ничем не пугающий. Эли к тому времени уже смотрела третий или четвёртый, наверно, тоже спокойный, она даже улыбалась во сне. Люси тоже улыбалась, и дыхание маленьких подруг стало ровным и одинаковым.

Ночь неспешно мерцала далёкими звёздочками, прошел час, или два. Теперь Эли иногда вздрагивала и даже вскрикивала во сне, а Люси дышала ровно и продолжала улыбаться. Ей снилось, будто она научилась плавать и, прямо как русалочка, плескалась в самой середине красивого озера, надолго скрывалась под водой, заглядывала в глаза солнечным зайчикам, что решились нырнуть вслед за ней, в шутку ловила ладошками маленьких рыбок, трогала огромные камни на дне и пропускала мелкий песок сквозь пальцы.

Наплававшись вволю, она ещё поиграла с волнами у берега и вышла из воды. Провела рукой по чистым каплям на коже и растянулась на тёплом золотом песочке. Люси зажмурилась от удовольствия и яркого солнышка и сквозь густые ресницы смотрела высоко-высоко в небо. Всё вокруг было тихо и спокойно, но вдруг также тихо и спокойно из-за дерева у края леса выглянула какая-то странная лошадь. Она посмотрела на Люси огромными лучистыми глазами и странной походкой направилась к ней. Почему странной?

Ну сами посудите: со стороны казалось, что эта лошадь тихонько напевает или сочиняет что-то про себя, шевеля губами. Иногда она останавливалась и смотрела своими огромными глазами высоко в небо, может, рассматривала облака или просто о чём-то высоком мечтала. А потом так и шла вперёд с задранной головой, пока не натыкалась на какой-нибудь кустик или кочку. Но шла она всё-таки к Люси.

– Ого, что это она так ко мне так... приближается? – подумала Люси, но тут же успокоилась. – Ничего! Ничего страшного, лошади не кусаются.

Но лошадь, видно, так не думала. И потому подошла поближе и мягко укусила Люси за правую коленку. От неожиданности Люси ойкнула, замахала руками и... проснулась.

В густых сумерках почти ничего не было видно, только спящие фигуры Эли и Удава можно было разглядеть. Где-то совсем далеко крикнула ночная птица. Эли тихо сопела, красивое озеро чуть дышало, а никаких других звуков не было, как Люси ни прислушивалась. Она чуть не рассмеялась своему глупому сну, но побоялась разбудить друзей и снова заснула. И снова погрузилась в прохладу красивого озера. Так приятно было плыть в сверкающей прозрачной воде, так приятно было выйти на берег, провести рукой по новой короткой стрижке и растянуться на золотом песочке. Только правую коленку Люси прикрыла полотенцем, на всякий случай, чтобы не сильно беспокоиться, что её снова укусят. Люси улыбнулась солнышку, что ласково и мягко светило в глаза, чуть откинула голову – и! – опять увидела странную лошадь, что ласково и мягко к ней подкрадывалась.

– Это ведь сон! – подумала Люси. – Ничего она мне не сделает. Буду лежать, как лежится. Неподвижно. Ничего страшного. И коленка у меня завернута в полотенце.

Но лошадь вовсе не собиралась кусать Люси за правую коленку. Она подошла поближе и легонько укусила за левую. Люси так

возмутилась – возмутилась лошадиной, ну просто, наглости! – что опять проснулась.

Теперь сумерки не были такими густыми. Рядом в коконе сопела Эли, а чуть дальше на корзине из колец покоилась голова Удава. Всё было тихо и спокойно, но Люси вдруг почувствовала, что её одеяло-кокон как-то странно шуршит. Она наклонила голову и опять чуть не вскрикнула – какой-то маленький зверь в черной бархатной шубе тербил её одеяло. Тербил так, будто был недоволен, что именно здесь Люси устроилась на ночлег.

– Ты чего ойкаешь? – непонятный зверь на секунду оторвался от одеяла и повёл мордочкой к Люсиному лицу. Люси сразу поняла, что его глазки ничего не видят: он не смотрел ей прямо в глаза, он всё время водил мордочкой, принюхивался.

– Ты кто? – Люси, хоть и удивилась сильно, но не испугалась.

– Это ты кто? – непонятный зверь перебил вопрос, он был чем-то недоволен.

– Я... Люси, – ответила Люси, чуть подумав.

– А! Понятно, – зверь почему-то успокоился, будто давно был с Люси знаком.

– А ты кто? – Люси не боялась маленького зверя, а её любопытство росло.

– Крот Эр, – коротко ответил зверь.

– Какой такой кротер?

– Сама ты кротер. Не кротер, а Крот... Эр! – в голосе маленького зверя звучало большое недовольство. И маленькая гордость тоже звучала – что он не какой-то простой крот.

– То есть ты крот?

– Сама ты крот. Говорю тебе, Крот Эр.

– Вы здесь какие-то странные, – Люси пожала плечами. – Удав Вэ. Крот Эр. Обязательно так называться?

– Так короче. И вообще. Сама ты странная. Посреди ночи ойкаешь. Всех будишь.

– Кого это всех? – удивилась Люси.

– Ну кого-кого? Всех! Ты что, сама себя не слышишь?

Тут Люси рассердилась. То Удав во сне бормотал, что она себя не слышит, то этот маленький кротер то же самое говорит.

– Как это я сама себя должна слышать? – Люси чуть обиделась и чуть громче заговорила.

– Тсс. Всех перебудешь. Глухая тетеря. Спи давай, не дергайся, – крот просто зашипел на Люсю, а она не любила, когда на неё шипят.

– Да вы замучили! Сами себя не слышите, а ещё хотите, чтобы я себя слышала. – Люси ещё злилась, но говорить стала тихо.

Крот немного помолчал, подумал.

– А тебе что, Удав ничего не рассказывал?

– Не. Не рассказывал. Ну, почти ничего.

– Ладно. Спи давай.

И не успела Люси вымолвить новое словечко, как непонятный кротер заработал лапами, перевернулся через голову и нырнул под землю. Люси только успела разглядеть, что у его чёрной шубки была белая опушка – у каждой лапки: верхней, нижней, правой и левой. А там, куда зверь нырнул, только осталась влажная тёмная земля.

Вокруг стало немного светлее, где-то за серыми скалами собиралось подняться солнышко. Рядом всё также тихо посапывала Эли, а Удав Вэ неслышно шевелил своими кольцами. Люси еще раз вспомнила сон, провела рукой по новой короткой стрижке и подумала, что воду из маленькой косички теперь нескоро придется выжимать. Потом еще раз удивилась приставучей лошади. Надо же! Нашла себе занятие. За коленки кусаться! Люси ещё раз рассердилась.

– Глупость, чушь лошадиная. И кротер этот дурацкий! – проворчала она, плотнее завернулась в одеяло и закрыла глаза.

V

Она закрыла глаза, но её сон не сразу стал крепким, а когда стал – Лю́си заснула вообще без снов. И проснулась нескоро – оттого, что кто-то щекотал ей ресницы и брови. Это были солнечный зайцы и зайчики, они долго прятались за серыми скалами, что виднелись за лесом далеко от берега, и устали ждать, пока тянулась ночь. А с первыми лучами выскочили из-за скал, побежали по лесу и запрыгали по берегу. Сначала они вели себя тихо-скромно, но потом осмелели и стали щекотать подругам брови и ресницы. А самые нескромные – даже пятки и уши щекотали.

Девчонки сладко потянулись и ещё во сне улыбнулись веселой заячьей игре. Глаза открывать не хотелось, видно, тишина у красивого озера была особенная, не такая, как утром в Птибудоште. Вот подруги и не стали как обычно выпрыгивать из сна и сразу приниматься за работу, а позволили себе чуть понежиться в утренней дрёме.

Удав Вэ тоже потянулся, отчего все его кольца стали овалами, а потом снова превратились в круглые кольца и сложились в удобную корзину. Он неслышно втягивал воздух красивого озера и почти без движения смотрел на маленькие волны, что набегали одна на другую и шевелили крупинки песка у края воды. Эли и Лю́си только на секундочку открыли глаза и не смогли оторвать их от недвижимого Удава. Он смотрел на красивое озеро так, будто видел его впервые. Или, наоборот, будто видел его в последний раз и прощался с ним. Удав почувствовал удивление маленьких подруг и обернулся.

– Славное утро! – его голос звучал хрипло, но как-то очень мягко.

– И доброе притом! – весело подхватили девчонки и опять зажмурили глаза, чтобы ещё чуть-чуть понежиться.

– Ой, дар! – Эли чуть не выскочила из своего кокона-одеяла. – Ты знаешь, что мне ночью приснилось? Во-первых, я так здорово

научилась плавать! И ещё нырять! А потом – потом вышла на берег, и меня укусила какая-то странная лошадь!

Люси оторопела и промолчала. И нахмурилась, как Эли обычно хмурилась, – всё раздумывала, как это её лошадь, из её сна, могла укусить ещё кого-нибудь?

– И ты знаешь, как она меня...

– Знаю, – перебила Люси, – сначала за правую, потом за левую коленку.

Теперь уже Эли удивленно уставила на подругу свои зелёные глаза.

– Что это, нам приснился один и тот же сон? – она привычно и задумчиво наморщила брови.

– Никакой это не сон, – вместо Люси ответил Удав, – Просто Лошадь ночью бродила около вас.

– Какая ещё лошадь? – девчонки возмутились и чуть не закричали в ответ.

– Я же сказал, Просто Лошадь. Или Лошадь Пэ, так короче, – и Удав хвостом показал на три дерева с низкой густой листвой, что росли у края леса, где кончался берег.

Эли и Люси посмотрели на три дерева, но сперва ничего не увидели. Потом провели глазами по густому кустарнику, что рос вокруг деревьев. И опять ничего не увидели. И только с третьего взгляда заметили в густой листве добродушную лошадиную мордашку с короткой чёлкой, длинной гривой и огромными лучистыми глазами.

– Слушай, Лошадь! Как тебя? Пэ! Ты зачем нас кусала?!

Девчонки старались говорить очень строгими голосами. Но Лошадь, казалось, с интересом смотрела куда-то в сторону, не обращая внимания на их строгость. Потом сказала «хम्म» и спряталась в листве.

– Она ничего не делает зачем-то, – хрипло прошипел Удав, – она всё делает просто.

– Вот большая радость! Просто! А зачем она нас кусала просто? – ещё раз строго заговорили подруги, хотя поняли, что на лошадь с такими лучистыми глазами очень сложно сердиться.

– Видно, ей так захотелось. Она любит кусать за коленки. Просто, не больно.

– Ну, здорово! Давайте все кусаться просто и не больно. Что же она тебя просто так не укусила? Не больно!

– Но у меня же нет коленок, – Удав ответил весело и немного грустно и, словно плечами, пожал верхними кольцами.

Люси легонько подергала себя за ухо и издала неопределенный звук. Она хотела рассердиться на Лошадь Пэ, понимала, что это правильно – сердиться на Лошадь. Но не могла, не получалось. И дело было не только в лучистых глазах и симпатичной чёлке (Лошадь была не то что красива, но чертовки мила). Люси почему-то радовалась, что снова увидела эту лошадь, сама не зная, почему снова. Как будто давно-давно уже видела её. Люси пыталась понять и вспомнить – что-то было в этой лошади такое знакомое-знакомое, будто Люси была ещё маленькой, и ей говорили. Что же ей говорили? «Он с Кокошей и Тотошей...» Нет, не так, не то! Ещё ей говорили: «Придет серенький волчок...» Нет, и это тоже не то...

– А-а! Я вспомнила! Это нечестно! Мы же хорошо себя вели! – Люси опять возмутилась.

Она вспомнила! Когда они с Эли были совсем маленькие, и весь Птибудошт их растил, кормил и воспитывал, им рассказывали старинную птибудошскую сказку про лошадь, которая приходит и кусает за коленки непослушных детей. Поэтому надо быть очень послушными девочками, и тогда никакая лошадь, даже самая кусачая, не придёт и не укусит за коленку. Они с Эли это много раз слышал, когда были совсем маленькими.

– Ты думаешь, Лошадь Пэ кусает за коленки непослушных детей? – Удав так лукаво смотрел на Люси, будто слышал всё, о чём она думала.

– Ну да, мне так говорили. В детстве. Давно.

– Хм! Ты уже не совсем дитя, – Удав чуть нахмурился. – На самом деле, Лошадь Пэ просто кусает и всё! Она такая, причудливая. Но вреда от неё – никакого.

Удав снова улыбнулся и теперь с интересом смотрел на Эли, которая, казалось, вообще ничего не понимает. Она удивлённо приоткрыла рот и разглядывала Люси, будто с подругой случилось что-то очень странное, будто Люси на голове прыгала или маленькое чудовище держала в руках. Словом, делала что-то совсем невероятное.

– Что с тобой? – Люси вслед за Удавом повернулась к Эли.

– Н-ничего, – та попробовала улыбнуться. – Мне, кажется. Показалось. Что ты только что превратилась в крохотную девочку. Ну, года полтора-два, не больше.

От этих слов в воздухе повисла тишина, она всегда повисает от странных слов.

– Померещилось! – Удав коротким словом прогнал тишину и опять наполовину сомкнул лукавые глаза. И понять – шутит он или нет? – было совершенно невозможно.

– Ладно, – вздохнула и согласилась Эли, но на всякий случай ещё раз внимательно посмотрела на подругу.

Глаза Удава от этого прямо засмеялись. Казалось, всё, что девочки говорили и делали, веселило его какой-то особой радостью. На кого-нибудь другого они давно бы обиделись, но на Удава – почему-то нет. Как-то на него не обижалось, будто все обиды растворялись – растворялись прежде, чем до него долетят.

– Да не высматривай ты Лошадь там, за деревом, – Удав ещё раз улыбнулся, и улыбка длинной волной пробежала по всему его телу. – Её там давно нет, она где-то бродит. Как обычно – просто. А когда понадобится, сама придет.

– А когда понадобится? – Эли спросила и ещё раз пристально посмотрела на Люси, проверила, не превратилась ли она в кого-нибудь?

Удав вдруг перестал быть весёлым, развернул половину своей корзины, стал большим, длинным и серьёзным, наклонился к самому уху Эли и тихо прошептал:

– Когда мы начнем завтракать.

VII

Удав развернул большие кольца, но потом вежливо их подобрал – чтобы подружки не споткнулись. Эли и Люси, хоть и были озадачены его словами, быстро-быстро собрали рюкзаки, забросили их на плечи. И как только забросили, Удав снова развернулся и резво заскользил по траве.

А девчонки – девчонки пошли за ним. Они шли и думали: думали про странные разговоры, про волшебную-неволшебную страну, про кофе из хвоста. И даже толком не следили, куда ведёт их Удав, и что обещанной дороги как бы не было. Озеро и золотистый песок остались далеко позади, и теперь вокруг были кочки, здоровенные пни и корни, через которые приходилось перешагивать, а то и перепрыгивать. Были густые ветви, порой нависавшие над самой землей, под ними девчонки проползали так ловко, словно сами были удавами. А потом деревья стали редеть, и подружки вышли на бескрайнюю поляну, заросшую папоротниками, такими огромными, что, казалось, в них можно утонуть, как в зелёном море. Когда девчонки вставали на цыпочки или подпрыгивали – видели, что со всех сторон зелёное море окружено цепочкой гор. Даже странно было, как они подошли к папоротникам и никаких гор не встретили.

Но сейчас непонятные горы не слишком волновали, перед глазами Эли и Люси было только зелёное море, и они всё время теряли Удава, толком не знали, где он. Правда, знали, что он где-то рядом. Он ухитрялся незаметно, ненароком показывать, куда дальше идти. То появлялся частями – сверкал серебристо-тёмной кожей или шелестел в темно-зелёных зарослях. А когда не сверкал и не шелестел, и казалось, он растворился, потерялся или пополз куда-то по своим делам (даже такие мысли были!), Удав вдруг появлялся полностью, поджидал девчонок, свернувшись в корзину, серьёзно и лукаво смотрел на них.

А Лошадь Пэ просто бродила, где ей вздумается, и непонятно было: то ли она идёт вместе со всеми, то ли бродит сама по себе. Она появлялась нечасто, но зато вдруг и с неожиданной стороны. И каждый раз пыталась укунить за коленку – на ходу. Когда ей это удавалось, Люси и Эли так, от нечего делать ворчали. Лошадь кусалась не больно, они уже привыкли к её странной привычке, не обижались. Даже рады были, что Лошадь где-то рядом, когда Удав надолго пропадал. И всё пытались отгадать, откуда она появится в следующий раз? Но никогда не угадывали, хотя лёгкий шум копыт порой раздавался совсем близко.

Дорога, которой как бы не было, тянулась и тянулась. Час. Или два. Девочки иногда ходили по полям и лесам в окрестностях Птибудошта, даже бегали и почти не уставали. А сейчас устали. Наверное, потому что рюкзаки давили на плечи. Или потому, что всё время приходилось быстро идти. Или потому, что руками всё время приходилось раздвигать огромные папоротники. Здесь было много всяких «или», но одно точное: девчонки уже тихо мечтали о коротеньком отдыхе. И сразу, как по волшебству, появился Удав – полностью. Видно, он хорошо слышал мысли и сразу вынырнул из моря папоротников, а хвостом указал на ручей.

Маленькие подружки доплелись до ручья, сбросили рюкзаки. И ладошками потянулись к прохладной воде. Очень вкусной, кстати. А потом привалились к рюкзакам. Ещё вчера они здорово устали, и руки у них утром болели, и ноги, и плечи. Казалось, по всему телу бегали полоски боли, правда, не очень сильной. Но сейчас эта боль прошла, и вместо неё опять появилась усталость. Тоже не очень сильная. Эли и Люси знали, что скоро отдохнут и сами захотят идти дальше. А пока – блаженствовали, будто качались на волнах в море папоротников у журчащего ручья. И Удав покачивался над корзиной своих колец и снова о чём-то думал. Ещё вчера подружки сразу захотели бы узнать, о чём думает их новый друг, но сейчас даже пытаться не стали. Слишком хорошо им было ни о чём не волноваться.

– Ого! – вдруг удивился Удав. – Вы научились молчать. Это славно.

– Ты про что?

– Я про то, что ваши мысли успокоились. Не кричат, не мечутся, не пищат. А совсем недавно успокоиться не могли.

– И что в этом такого? – Люси даже не головы не повернула, ей сейчас было так хорошо, ни о чём не хотелось думать. А спросила она так, по привычке.

Эли тоже не стала шевелиться, но слова Удава всё-таки разбудили её мысли. Хотя в голове по-прежнему было спокойно: мысли не кричали, не суетились. Обычно Эли не могла думать спокойно. Вернее, так: если ей надо было серьёзно что-то решить, она хмурила брови, щурила глаза, иногда и лоб морщила. Иногда пальчиками водила в воздухе или ладонками голову подпирала – это ей помогало думать. А сейчас ей совершенно не хотелось ни морщить, ни напрягать, ни обхватывать. Она вроде ничего не делала, и даже не пыталась, а мысли – они сами собой думались. Эли даже видела, когда закрывала глаза, как они плавно перетекают одна в другую, без суеты, как тихие волны.

– Так что в этом хорошего? – повторила Люси, у которой любопытства было намного больше, чем у подруги. И если на её вопрос не отвечали, она его могла ещё раз задать. И ещё раз, и ещё.

– Если научишься молчать, то потом научишься слышать.

Удава не пришлось просить трижды. Люси чуть задумалась над его словами, как раз вовремя, потому что теперь Эли вспомнила, что её давно мучает один вопрос:

– Вот не могу понять! Утром ты нам кофе сделал из ничего, из воздуха. Как это может быть, если у вас страна не волшебная? Получается, что ты его наколдовал. Да?

Удав поморщился, будто ему под нос ему сунули пузырек с нашатырным спиртом.

– Фу, какое слово гадкое, колдуй, баба, колдуй, дед! Если уж говоришь про что-то необычное, подбирай не такие противные слова. Наколдовал!

– Ну, может, не так сказала, не обижайся. Просто не могу понять. Ну, допустим, ты догадался, что мы мечтаем о чашке кофе – это понятно, девчонки из кофика, конечно, всегда пьют кофе по утрам. Тут можно было догадаться. Но как ты накол... то есть, откуда этот кофе взялся и кружки наши любимые? Вот это совершенно непонятно. Это что, фокус такой? Или волшебство?

– Неплохо, – отозвался Удав. Молчание идёт на пользу. А теперь объясни, почему ты говоришь про волшебство?

Эли внимательно посмотрела на Удава. Шутит – нет? Ничего не увидела, не поняла. Кажется, не шутит.

– Ну, Удав. Ты странно говоришь. Когда кофе появляется из ничего, из твоего хвоста – это и есть волшебство. Такого не бывает.

– У-гу, – медленно растягивая звуки, потянул Удав. – Значит, то, чего не бывает, ты называешь волшебным?

– Ну да. Конечно. А как иначе?

Удав промолчал. Он так долго молчал, что Эли подумала, ответа вообще не будет, и стала разглядывать лист папоротника – он чуть покачивался от лёгкого ветерка прямо перед её носом. Прямо перед глазами – и от этого казался огромной зелёной поляной. Просто бескрайней и не просто зелёной, а светящейся, потому что сверху на неё падал тоненький солнечный лучик. Эли смотрела, как капелька росы медленно ползет по зелёной поляне – будто водяной шар медленно катился по желобку. Он был такой большой, и вдруг! Лучик попал прямо в шар – и засверкал миллионами цветных точек. Эли на секунду зажмурилась и закрытыми глазами увидела, как точки превращаются в огоньки, а потом – в далекие звёздочки. И улетают в темноту.

– Красиво, да? – Удав перестал молчать.

– Очень, – еле выдохнула Эли.

– Волшебно красиво?

– Да.

– Волшебно, но такое бывает? Бывает. Каждый день, каждую секунду. Ведь листков только не этой поляне – не сосчитать. И на

каждом капелька росы. А лучики солнца, они всегда есть. Это просто и обычно. И ты сама только что видела, как обычное превратилось в волшебное. Надо только увидеть. Вот и всё.

Эли не знала, что ответить. В словах Удава была правда, но была и неправда. Ведь он так и не сказал, откуда появился утренний кофе. Но волшебные светлячки, лучики, звездочки всё сверкали у Эли в глазах. И тут Люси зевнула и заворочалась на своём рюкзаке:

– Не знаю, чего там Эли увидела, но спрашивала она тебя не о том. Удав, ты никогда прямо не говоришь, скользишь как змея. Ой, прости, не хотела обидеть.

– Не обидела.

Удав смотрел на Люси с обычным лукавством и говорил тепло. А Люси всё равно смутилась и виновато моргала, но потом решила спросить ещё раз:

– Ну да, вот. Эли у тебя спросила – откуда взялся кофе? А ты ничего не ответил.

– Вы же сами видели – просто появился и всё.

– Ничего себе просто. Из хвоста. Может и у нас появится, если хвосты вырастут.

– Поверь, *дарагая*, – Удав сказал «дарагая», как Эли и Люси обычно говорили, чтобы чуть-чуть поддеть подругу, – хвосты здесь ни при чём.

Люси хотела еще что-то сказать, но вдруг почувствовала, что кто-то настойчиво толкает её в попу, прямо из-под земли, на которой она сидела. Люси ойкнула и вскочила, а на том месте, где она сидела, выросла кучка земли, и из неё высунулся очень недовольный Крот Эр. Он ничего не сказал, но так повёл носом, так прищурил в Люсину сторону незрячие глаза, будто говорил: «Ну, ты всё время на дороге мешаешься, никакого покоя от тебя нет!» Крот даже фыркнул в Люсину сторону. И Люси собиралась фыркнуть на него, но тут кротер громко засопел носом, принюхался. И отвернулся от Люси – к Удаву. И начал размахивать руками, своими коротенькими ручонками с белой опушкой и блестящими коготками.

Показал Удаву что-то круглое, потом квадратное, потом начал трясти ладошками, словно говорил, говорил, и лапками пояснял, что он такое говорит. Но при этом не сказал ни слова. Удав тоже молчал и почти не шевелился, правда, хвост его не лежал спокойно, а изгибался и дергался, почти как лапки Крота. Так они «разговаривали» минуту-другую, а девчонки только ресницами хлопали – гадали, что за новость принес маленький кротер?

А тот последний раз махнул ладошками, ещё раз повернулся к Люсе и недовольно на неё засопел, а потом, как обычно, перевернулся через голову и провалился сквозь землю.

– Что он тебе сказал? – Люси и Эли чувствовали, что новость была не слишком приятной, волновались и от волнения заговорили хором.

Но Удав ничего не ответил. Он опустил хвост в ручей и сразу поднял его высоко над папоротниками. Опустил. Ещё раз поднял. Ещё секунду подумал и коротко бросил:

– Хватайте рюкзаки и бежим. Всё время бегите на солнце, не потеряетесь.

И, не дав девчонкам опомниться, быстро пополз в сторону, где светило солнышко. Подруги только успели пожать плечами, схватили рюкзаки и побежали за Удавом. Они побежали, потому что только бегом можно было его догнать. И то было непросто! Девчонки даже представить себе не могли, что удавы умеют так быстро ползать. «Удав, куда мы бежим?» – то Люси, то Эли пытались это прокричать, но получалось у них плохо, они совсем запыхались.

И вдруг, возле ещё одного ручейка, Удав резко остановился, подруги чуть не наскочили на него с разбега. А Удав снова опустил хвост в воду и ещё раз поднял его высоко над папоротниками.

– Да, – сказал он сердитым голосом. – Не успеем.

– Куда не успеем? – девчонки еле дух переводили.

Удав вместо ответа почесал голову хвостом и сказал очень странные слова:

– Есть у вас легкая материя, марля или рубашки из тонкого хлопка?

– Бинты есть, – ответила удивленная Эли. Она, когда собирала несъедобный рюкзак, положила в него йод, зеленку, мази. И бинты тоже положила.

– Много?

– Ну, не помню, штук пять или шесть.

– Давай их быстро сюда.

Эли начала копаться в рюкзаке, достала один бинт в пергаментной упаковке. Передала Удаву и – чуть не села на землю от удивления.

Удав мгновенно сорвал пергамент, обмакнул бинт в воду, не выпуская его, захватил Люси, зажал её в плотные кольца так, что она ни рукой, ни ногой пошевелить не могла. И начал обматывать ей голову мокрым бинтом. Всё это он сделал быстро-быстро, Люси даже пикнуть не успела.

– Дышать можешь? – прокричал Удав Люси прямо в ухо. Вернее, туда, где под бинтом было ухо.

– Не могу! – ответила Люси.

– Значит, можешь. – Удав оставался серьёзным и невозмутимым. – Давай ещё один, – он повернулся к Эли. И снова быстро-быстро обмотал Люсину голову ещё одним мокрым бинтом.

– Дышать можешь? – снова прокричал Удав.

– Не могу! – снова ответила Люси.

На этот раз Удав ничего не сказал. Он отпустил Люси, которая стояла, как мумия, и даже двинуться не могла, не представляла, куда ей двигаться. А Удав тем временем сделал мумию из Эли. А потом...

Потом девчонки, которые, действительно, еле-еле дышали сквозь мокрые бинты, почувствовали, как кольца Удава подхватили их и понесли по воздуху. А дышать становилось всё труднее, Люси и Эли чуть сознание не теряли, но сделать ничего не могли – на голове у каждой был толстый слой мокрого бинта, а тела так жёстко обхвачены кольцами Удава, что подружки только пытались дёргаться. Но кольца были как железные, и дёргаться было бесполезно. А

потом сознание у девчонок на самом деле потерялось, они провалились в какую-то темноту и вообще перестали чувствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

СКАЗКА О СКАЗКЕ

СКАЗКА О СКАЗКЕ

АЛЕКСЕЙ ЭРР

